

Майкл Иннес

Панихида по создателю

*Часть сборника
Панихида по создателю.
Остановите печать! (сборник)*

Инспектор Эплби

Майкл Иннес

Панихида по создателю

«АСТ»

1938

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44

Иннес М.

Панихида по создателю / М. Иннес — «АСТ»,
1938 — (Инспектор Эплби)

Шотландский землевладелец Рэналд Гатри погибает при невыясненных обстоятельствах, упав с башни своего старинного замка. Возможно, это было самоубийство, однако полиция уверена: Рэналда убил возлюбленный его приемной дочери, чтобы тот не смог помешать их неравному браку. Но прибывший на место преступления инспектор Джон Эплби считает, что причина случившегося кроется в загадочной смерти брата-близнеца Рэналда в Австралии...

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Майкл Иннес

Панихида по создателю

*Все персонажи этой книги являются вымышленными и не имеют
никакого отношения к реально существующим людям.*

Перевод с английского *И.Л. Моничева*

Печатается с разрешения Peters, Fraser & Dunlop и литературного агентства The Van Lear Agency LLC.

Майкл Иннес (настоящее имя – Джон Иннес Макинтош Стюарт, 1906–1994) – известный английский писатель и литературовед. Его перу принадлежат монографии о У. Шекспире, Р. Киплинге и Т. Харди. Однако международную известность ему принесли именно интеллектуальные детективы, которые он публиковал под псевдонимом Майкл Иннес. Так, его романы «Смерть в апартаментах ректора» и «Гамлет, отомсти!» вошли в антологию Хорхе Луиса Борхеса «Седьмой круг». Всего Майкл Иннес написал около 50 детективов.

Часть I

Рассказ Эвана Белла

1

Как станет очевидно из нижеследующего повествования, мистер Уэддерберн, стряпчий из Эдинбурга, настолько же хитер, насколько благороден – и чтобы выжить и заработать себе на хлеб насущный в среде юристов, ему воистину требуется все коварство, позимствованное, как принято считать, Евой у Змея. Ловок он, ничего не скажешь. И вот вам первое тому подтверждение: я – Эван Белл, простой башмачник из Кинкейга¹ взялся за перо для сочинительства, а все потому, что мистер Уэддерберн сумел найти ко мне правильный подход.

Вот как это случилось.

Мы вдвоем сидели в отдельном кабинете «Герба» за стаканами пунша, который пили исключительно ради здоровья. Потому как, поверьте на слово, именно в те дни валило столько снега, а декабрь обдувал наши края такими студеными ветрами, что мне оставалось лишь радоваться согревающему пуншу и потрескиванию дров в хорошо растопленном камине. Так мы сидели, снова и снова пережевывая подробности всего этого странного дела – а такого уж точно никогда не случалось у нас прежде, – и мистер Уэддерберн, подняв на меня взгляд, сказал:

– Мистер Белл, мне все это напоминает сюжет романа как ничто другое.

– В самом деле, мистер Уэддерберн, – ответил я. – Ваша правда. Мне кажется, что от начала до конца в таком деле не могло обойтись без козней дьявола.

Он улыбнулся своей обычной лукавой улыбкой. А улыбается он так, что порой мнится: он уловил шутку там, где другие не увидели бы ничего забавного. Но потом посмотрел очень серьезно мне прямо в глаза и произнес:

– Полагаю, вы могли бы сочинить на этой основе необычайно хорошую книгу, мистер Белл. Почему бы вам не попробовать написать ее?

Меня его слова удивили до крайности. «В какое необычное время мы живем, – подумалось мне, – раз наш учтивый адвокат заводит такие речи с одним из старейшин церкви Кинкейга!» Игра воображения в большинстве случаев есть греховный соблазн, если только она не используется для благих целей и не сопровождается молитвой о ниспослании вдохновения свыше. И вот, представьте, передо мной сидел мистер Уэддерберн, склоняя меня, словно я прирожденный романист, написать обо всем случившемся не в целях укрепления моральных устоев общества, а только потому, что история сама просилась на бумагу!

Мистер Уэддерберн всегда отличался некоторой эксцентричностью, хотя в делах он был весьма основательным, но это его предложение поразило меня как нечто уж слишком легкомысленное. И я заявил, что не гожусь для такого занятия, поскольку по сути остаюсь простым и уже сильно постаревшим сапожником.

– Как сказать, мистер Белл, – возразил он. – Всем известно, что по своей учености в этом приходе именно обувной мастер стоит на третьем месте после священника и директора школы.

– Но о нем ходят также слухи, что он, вероятно, атеист, – сухо ответил я, – хотя не всем слухам можно верить.

¹ Действие романа происходит в Шотландии в середине 30-х гг. XX в. – *Здесь и далее примеч. пер.*

И все же его слова пришлись мне по нраву. Отчасти потому, что он назвал меня «обувным мастером», на старый лад. Пусть Уилл Сондерс меняет над своей лавкой вывеску и из «мясника» превращается в «семейного поставщика мясопродуктов». Я был и останусь в Кинкейге обувных дел мастером. А еще меня приятно поразила справедливость его высказывания. Впрочем, он выразился не совсем точно. Ведь если сейчас в лице настоятеля церкви доктора Джерви мы действительно имеем ученейшего мужа, то главы нашей школы никогда прежде этим не отличались. Тем более ныне, когда на смену директорам-мужчинам стали присылать ненадежных молодых дамочек: визг директрисы школы Кинкейга теперь перекрывает любой шум, который издают все ученики, вместе взятые. Как только уши выдерживают! И хотя мисс Стракан – так ее величают – может похвастаться дипломом Эдинбургского университета, знаний у нее маловато в сравнении с прежними директорами. Я, заметьте, даже как-то хотел поспорить, когда она заявила, что Плутарх писал книги на латыни, вот только ей удалось сразу сменить тему. Но при этом она очень довольна собой. В Эдинбурге она накропала какую-то брошюрку (у них это именуется диссертацией) под названием «Синематограф как визуальное учебное пособие» и гордилась так, словно из-под ее пера вышла «Логика» Бэйна или «Риторика» доктора Хью Блэра. Помню еще, как Роб Юл спросил, что такое «визуальное пособие», а потом, не дав ей и рта раскрыть, влез с шуткой Уилл Сондерс: «Понимаешь, это когда Сусанна показывает свои прелести старцам»². Немного неприлично вышло, и дамочка надулась, но такой уж он по натуре, наш Уилл – грубоват, что есть, то есть.

Но из моей истории не выйдет толка, если я буду все время отвлекаться на такие анекдоты.

Честно сказать, я и сам, как любой в нашем приходе, признавал, что если кому и описывать происшедшие события, то именно мне. Не стоит ожидать этого от доктора Джерви, чья ученость направлена на исполнение значительно более важных обязанностей. И правда в том, что меня никак не назовешь малограмотным человеком, поскольку еще сорок лет назад я взял за основу руководство сэра Джона Лаббока «Сто лучших книг», изучив их все, причем сомневаюсь, чтобы хоть одна из девиц с дипломом колледжа сделала то же самое. Но тем не менее я скромно заметил мистеру Уэддерберну:

– Ne sutor ultra crepidam.

Так, представьте, древние римляне советовали согражданам заниматься лишь своим непосредственным делом, то есть «Всяк сверчок знай свой шесток». И не могу сказать, что эта вовремя пришедшая на память поговорка изменила мое умонастроение в лучшую сторону. Мне думалось, что те дни миновали, и ну их к черту – лучше поскорее забыть обо всем.

Но в ответ на мою скромную латынь мистер Уэддерберн и бровью не повел, а лишь продолжил наседать на меня:

– Да вы только начните, мистер Белл, а уж мы потом найдем других, которые дополнят ваш труд и изложат свою точку зрения.

– Включая и вас самих, мистер Уэддерберн, – сразу же ввернул я фразу в надежде, что так он быстрее поймет бессмысленность этой затеи.

– Разумеется, – кивнул он и сделал, между прочим, свою часть работы прекрасно.

Но обо всем по порядку.

Я все еще пребывал в глубоких сомнениях.

– Страшновато, – признался я, – братья за перо после сэра Вальтера.

² Речь идет о ветхозаветном сюжете, вдохновившем на создание картин многих известных живописцев.

– Пусть он послужит нам примером, мистер Белл. И мы попытаемся, подобно ему, сохранить анонимность. Помните, что Локхарт писал о таинственности, которой умел окружать себя Великий Рассказчик?³

Не скрою, мне польстило, что собеседник как бы заведомо знал о моем знакомстве с сочинением Локхарта «Биография сэра Вальтера Скотта». Но и при этом я бы, наверное, воздержался от участия в данном предприятии, если бы меня не сгубило тщеславие. Ибо я уже собирался сказать твердое «нет», когда, уж поверьте, совершенно случайно мне пришло на ум другое латинское слово.

– Мистер Уэддерберн, – заявил я, – мне придется взять время на *avizandum*.

К этому термину его друзья из числа судей в Эдинбурге прибегают, если не осмеливаются принять окончательное решение, не обдумав его хорошенько, и откладывают вынесение приговора на день. Он только рассмеялся в ответ, и мы договорились встретиться еще раз тем утром, когда он собирался отправиться на юг страны.

И пока он ждал автомобиля, который должен был доставить его через занесенные снегом дороги до железнодорожной станции, мне стало известно немного больше о его задумке. Он сказал, что есть у него молодой друг, не слишком удачливый писатель, сочинявший странноватые истории и нечто вроде мистерий о людях, с которыми он никогда не встречался, и о событиях, не совсем правдоподобных. И хотя происшествие с Гатри представлялось внешне вполне реальным, присутствовало в нем и нечто неестественное, а значит, как раз такой автор мог разобраться в нем лучше других. Поэтому мистер Уэддерберн решил передать ему все материалы в виде нескольких рассказов, написанных разными людьми, чтобы он обработал их по своему усмотрению: либо просто отредактировал, либо создал на их основе самостоятельное произведение. При этом ему будет поставлено жесткое условие (совершенно, на мой взгляд, необходимое) непременно изменить как наши имена, так и не ссылаться на Кинкейг, чтобы не добавлять нашему городку дурной славы, которой и без того предостаточно.

Что ж, теперь план показался мне вполне благонамеренным и даже способным извлечь хотя бы немного добра и пользы из злого дела. Короче говоря, я дал мистеру Уэддерберну обещание. И ниже приступаю к отчету о событиях, повлекших за собой смерть Рэналда Гатри. Начну я, следуя совету всем известного поэта Горация *in medias res*⁴, а потом вернусь к более раннему периоду. Но ежели молодой друг мистера Уэддерберна из Эдинбурга не согласен с Горацием, пусть сам расставит все по местам.

2

Когда из долины Эркани пришло известие, что Рэналд Гатри покончил со своей безбожной жизнью, в Кинкейге оно мало кого опечалило. Человек благородных кровей, он долгие годы считался неотесанным грубияном и с незапамятных времен жил одиноко, как ворон. Наш предыдущий священник привык величать его «отшельником». И все помнили тот случай, произошедший много лет назад, когда сей служитель церкви отправился в долину, чтобы навестить Гатри и попросить пожертвовать денег на благотворительность. Одни говорили, будто бы Гатри, решив, что священник явился распекать его за вечно пустую скамью, принадлежавшую ему в церкви, выстрелил в гостя из ржавого охотничьего ружья. Другие утверждали, что он спустил на святого отца свору собак, а третьи были уверены, что священника атаковали тамошние крысы, а они, доложу я вам, в Эркани невиданных размеров, и слухи о них распространились далеко за пределы наших краев. Но что бы

³ Первые романы Вальтера Скотта выходили без указания имени автора, и свой секрет он раскрыл публике только в 1827 г.

⁴ С сути дела (*лат.*).

там ни было – ружье, собаки или крысы, – а над священником потешался весь Кинкейг, потому как предшественника доктора Джерви наш народ не больно-то жаловал. Но если священника недолюбливали, то Рэналда Гатри просто ненавидели. Хотя, казалось бы, странно: святой отец вечно таскался по домам, кричал у порога: «Есть тут кто живой?» – и входил без разрешения, ожидая, что ему нальют стаканчик, а Гатри держался особняком и никому не досаждал. И все же ненавидели само его имя, таким он был мерзопакостным человеком.

Никто во всей округе не мог с ним сравниться в неприглядных делах, а ведь у нас хватало и других не слишком-то достойных сограждан. Тот же Роб Юл, собирающий тучный урожай с прекрасных полей вдоль Дрохета, у которого денежек водится побольше, чем у многих, отличается редкостной скаредностью. Везет, допустим, телега его муку с мельницы. Так он непременно идет сзади, покрикивает на возницу, чтобы был осторожнее, а если самая малая толика муки просыплется на землю, так у него всегда с собой совок бакалейщика, чтобы собрать все вместе с грязью. Или взять, к примеру, Фэйрбайрна из Гленлиппета, чью жену так скрутил ревматизм, что она превратилась в инвалида. Но будучи женщиной религиозной и неременной участницей всех церковных хлопот, она купила мужу машину, чтобы тот всегда мог отвезти ее в «Доркас»⁵ или еще куда по разным надобностям. И конечно, Фэйрбайрн с радостью добыл себе шоферские права всего за четвертак – ведь он на десять лет моложе супруги и питает определенные надежды на будущее. Но ни Роб Юл, ни Фэйрбайрн и близко не стояли по своей злобности с Рэналдом Гатри, занимавшим такое же место среди аристократии, какое Роб – среди простонародья, хотя сам был когда-то, как о нем судачили, человеком большой учености. Среди всех обитателей окрестных долин об одном Рэналде Гатри вы могли с полным основанием сказать, что он такой же пакостник, какими бывают только англичане. От него пострадал в Кинкейге почти каждый, потому как ему принадлежала земля на многие мили в округе, а его управляющий, гнусное существо по фамилии Хардкасл, с радостью давил и притеснял арендаторов, для чего и был нанят на службу. И когда пришла новость, что Гатри сам лишил себя жизни, многие не скрывали радости, а горевавших можно было по пальцам пересчитать. Те, которые радовались, несомненно, надеялись, что следующий землевладелец окажется лучше прежнего. А те, кто огорчился – люди, наделенные искрой воображения, – сожалели на самом деле лишь о том, что Гатри не забрал с собой своего гаденыша Хардкасла, чтобы тот продолжал давить и притеснять от его имени и дальше, но только в том месте, которое уж точно было уготовано хозяину среди проклятых душ в преисподней. Но Хардкасл оставался жив и здоров, словно только что родился из поганого чрева своей мамы, а в глазах у него светился огонь, который, как отметил наш полисмен Лори, говорил, что он не только спокойно переживет эту трагедию, но еще и нагреет на ней руки. Вот почему, стоило пройти слуху, будто со смертью Гатри не все чисто и сам шериф приедет в Кинкейг, чтобы разобраться и установить истину, как у нас сразу же кое-кто начал предсказывать: болтаться, мол, скоро Хардкаслу на виселице, не иначе. А когда странностей стало больше, и пустили сплетню о том, что случилось с трупом, все кому не лень стали предрекать виселицу молодому Нейлу Линдсею, хотя многие в приходе по-прежнему считали и это делом рук Хардкасла. Старик Спейрз, начальник станции, которого в шутку звали Великим Мыслителем, поскольку он читал английские газеты, не уставал твердить, что Хардкасл точно причастен к смерти хозяина и попадет под подозрение как пить дать. Старина Спейрз набрался знаний из уголовного кодекса с тех пор, как начал получать для доктора Джерви сочинения Эдгара Уоллеса⁶, и каждый вечер в «Гербе» разглагольствовал перед толпой выпивох, а те слушали его рассказы как мудрые изречения Соломона. Впрочем, я снова теряю нить повествования.

⁵ Женское благотворительное общество.

⁶ Английский писатель и сценарист, считающийся основоположником жанра криминального триллера (1875–1932).

3

Та зима выдалась суровой. В день похорон свинцовые облака начали сгущаться позади Бен-Кайли – горы, заснеженная вершина которой ослепительно сияла под ранними лучами утреннего солнца. Потом небо потемнело, и часам к одиннадцати, как раз, когда священник начал поминальную службу на кладбище, упали первые снежинки. Причем, даже судя по тому, как они ложились на рукава рясы святого отца, становилось понятно, что снег сразу не растает. Кое-кто подумал, что из-за снегопада священник прервет молебен, но он продолжал как ни в чем не бывало. Некоторые открыли зонты, а женщины, среди которых преобладали вдовы, плотнее закутались в шали и, мыслями обратившись кто на двадцать лет назад, а кто и дальше, затаили псалом номер сто двадцать один.

Возведох очи мои в горы,
отнюдуже приидет помощь моя...

И сладко и жутко звучали эти слова, потому что уже нельзя было разглядеть никаких гор. Ни Бен-Кайли, ни окружающих холмов, и весь мир превратился в непознаваемый символ веры в то, что невозможно увидеть. А потом снежинки повалили еще гуще, больше не кружась в полете, падая отвесно, и пение зазвучало так, словно доносилось издалека. Церковные службы на открытом воздухе в Шотландии настолько волнуют умы и души, порождают такое смятение, что проводятся в наши дни очень редко. Мы, видать, досыта нахлебались этих чувств во времена Торжественной лиги и Ковенанта⁷.

Суровая погода установилась с одиннадцатого ноября. В тот день снег шел редкий и такими крупными хлопьями, что в большинстве своем народ не верил, будто он задержится надолго. Думали, к утру и следа не останется. Но в холодном и неподвижном воздухе сугробы пролежали две недели, и под тяжестью снега ветви деревьев клонились до самой земли. А затем действительно наступила оттепель, которую принесли шторм и ураганный ветер, способный снова разрушить мост через залив Тай⁸, с убийственной силой прошедший по долине и повредивший кровлю бастионов замка Эркани. Но хуже всего, что как только пахотная земля оголилась, вновь ударил сильный мороз, и пришла так называемая «черная зима».

Снег снова выпал только к середине декабря к вящей радости детишек, которым так нравится белое Рождество, казавшееся теперь неизбежным. Но время шло, а снег все шел день за днем без перерыва, и наиболее ушлые из жителей Кинкейга стали запасаться впрок провизией, а окрестные фермеры озаботились, чтобы хватило силоса для скота. Великий Мыслитель предрекал рекордно холодную зиму и раздолье для любителей игры в керлинг. А лучше всего приходилось тем, кто на зиму от скуки запасался томами Эдгара Уоллеса и Анни Сван – книги не коровы и не требовали ни ухода, ни затрат на пропитание.

Когда же снегопад прекратился, мы заранее знали, что придет новый, и наш городок окажется полностью отрезанным от мира. Потому что, хотя в стране уже появилось достаточно снегоуборочных машин, до таких отдаленных мест, как Кинкейг, они добираются даже сейчас, ой, как нескоро. Вот мы и проводили свои дни в полной праздности. Кто-то брал кусок наждачного камня и точил косу к будущей весне, а большинство фермеров просто грели брюхо у веселых огней домашних очагов и качали головами над каталогами тракторов, которые присылали им от Генри Форда. А снег обыкновенно приносит еще и тишину, плотно

⁷ Договор, заключенный между Шотландией и Англией в XVII в., положивший начало объединению их церквей.

⁸ Железнодорожный мост в устье реки Тай рухнул в 1879 г.

сгустившуюся вокруг нас. По всем долинам не доносилось ни звука, только порой тревожно кричали чибисы, словно жалуясь на свою судьбу занесенной снегом земле, да порой с одного из дворов слышалась недолгая суэта, когда хозяйка ловила курицу, чтобы свернуть ей шею и приготовить семье на обед. В рождественское время люди всегда как будто живут предчувствиями и ожиданиями чего-то, и так было с первого года от Рождества Христова. И уж, само собой, многие задним умом крепки, чтобы начинать потом похвастаться, будто предчувствовали что-то, хотя сами не понимали, что именно, а все равно якобы было им наитие. Так вот, одна пожилая женщина утверждала, что когда священник читал молитву ангелам-вестникам, а она как добрая христианка пыталась вообразить себе этих самых ангелов, какими их рисуют на открытках, привиделся ей, дескать, полоумный Таммас, бежавший, петляя, по снегу из Эркани и бормочущий что-то про убийство. Она, понятное дело, сразу ни с кем своим видением не поделилась, посчитав его греховным, а стала рассказывать всем и каждому через неделю, уже после того, как страшное дело действительно случилось. А была это миссис Макларен – жена кузнеца, у которой, как говорил начальник станции, имелся талант к саморекламе, как это принято сейчас называть.

Да, природа объяла нас своей странной снежной тишиной, но уж зато языками в Кинкейге молотили с утроенной энергией, чтобы восполнить нехватку звуков. Так всегда бывает: чем меньше у людей работы, тем больше они начинают распускать сплетен и слухов. И наверное, никогда прежде не ходило столько разговоров именно про тот большой дом. Пусть замок Эркани и расположен на достаточном удалении от Кинкейга, это все равно резиденция самого крупного местного аристократа, ближе которой к городу нет ничего похожего. И многие фермерские семьи арендовали у его владельца землю. Понятно, почему о нем так часто заходила речь в праздных пересудах. Это было бы неизбежно, даже если бы он принадлежал к самой тихой и спокойной благородной семье во всей Шотландии – но тут мы имели дело с совершенно другими хозяевами. Гатри неизменно привлекали к себе внимание, заставляя окрестное население либо раздражаться возмущенными криками, либо тихо перешептываться по углам. Об отваге и мужестве некоторых членов этой семьи слагали легенды, но и совершенные иными из них предательства гремели на весь мир. Сами обстоятельства появления их на свет сопровождались небылицами то о сумасшедшей любви, то о жестоком изнасиловании их женщин. Кровавые злодеяния, безумие и в то же время какой-то непостижимый экстаз либо бросали на семью мрачную тень, либо вдруг озаряли ярким светом. Истории многих древних родов содержат весьма колоритные страницы, но мало найдется таких, для которых подобный колорит служил бы постоянной отличительной чертой, как для Гатри. Они владели Эркани задолго до Реформации, и, если уж по-хорошему, дорогой читатель, то нам следовало бы начать всю историю еще с тех незапамятных времен. Но придется сосредоточиться на Рэналде Гатри и чучелах, поскольку именно это стало темой многочисленных сплетен в те снежные дни, что я уже начал описывать.

Рэналд Гатри был мужчиной мерзким, но мало кто в Кинкейге догадывался об истинно отвратительных чертах характера этого человека. И хотя каждому стала известна история о чучелах, гораздо больше слухов в народе породило то, как он обошелся с Гэмли, а сей случай лишь отчасти отражал всю низость и подлость Рэналда Гатри. Я же догадывался, что его жестокость граничит с умопомрачением с тех самых времен, когда американские кузены предприняли попытку доказать неვნяемость своего шотландского родственника. И раз уж упомянул об этом факте, стоит остановиться на нем подробнее.

Года два назад к нам заявились двое англичан с бегающими глазками под шляпами-котелками и принялись наводить справки о Гатри по всему Кинкейгу. Они разговаривали с мужчинами за пинтой пива в «Гербе», беседовали с женским полом, которому, как известно, и предлога не надо, чтобы мести языками, словно помелом, а ребятишкам раздавали мелкие монеты. Один из них заявился и ко мне тоже – хитрый, как лис, – и принялся

выспрашивать, не припомню ли я чего странного в своем общении с Гатри? И уверен, этот тип готов был начать хрустеть фунтовыми бумажками у меня под носом, не осадил я его сразу же строгим взглядом. Уж мне ли было не знать, что Гатри малость не в себе! Только за неделю до того он прислал мне в мастерскую пару башмаков, у которых шнурки так перепутались и завязались в узлы, что мне пришлось вставить новые, а прежние сунуть внутрь, возвращая обувь владельцу. А через день прибегает полоумный Таммас со старыми шнурками в одной руке и с деньгами за мои услуги в другой. Причем этот Гатри вычел с меня полпенни за свои никуда не годные изношенные шнурки, которые мне всучил. «Ладно, получишь ты у меня скидку в следующий раз!» – подумал я. Но одно дело знать о граничащей с безумием скарденности владельца замка, и совсем другое – делиться информацией с каким-то проходимцем из Лондона. Поверьте, тот ушел от меня несолоно хлебавши. Но только дело этим не ограничилось. Потому что неделей позже к нам нагрянула целая свора докторов.

Для Кинкейга это стало запоминающимся событием: прибытие машины, набитой медиками в черных плащах и цилиндрах, словно они в любой момент хотели быть готовыми к похоронам своих пациентов. Трое оказались из больницы на Морай-плейс в Эдинбурге, а четвертый, толстоватый такой дядечка, прибыл аж с Харли-стрит в Лондоне⁹. Они хотели взять с собой доктора Джерви. Тот отбрыкивался, как мог, но выяснилось, что его брат тоже работал в больнице на Морай-плейс, и пришлось священнику согласиться. Все вместе они отправились вверх по долине Эркани. О том, что произошло потом, в городе стало известно от Гэмли, который как раз явился тогда в замок, чтобы получить распоряжения от хозяина. Врачи пробыли в замке всего полчаса – именно столько, несомненно, понадобилось Гатри, чтобы понять, что вынюхивают пришлые эскулапы. А затем началось настоящее представление, и «церберы» имели к нему самое непосредственное отношение, поскольку в этот раз совершенно точно Гатри спустил на гостей собак. С воплями и криками бежали доктора из ворот, а потом по мосту через ров, причем толстяк из Лондона отстал от остальных, и самый злой из псов – простая дворняга, судя по описанию, – успел вцепиться зубами ему в задницу. Кое-как добравшись до машины, они вернулись потом в дом священника, а лондонский жирдяй ревел как мальчишка, которого отшлепала няня. И в тот же день этот покусанный тип, стоя за пюпитром доктора Джерви, написал подробный отчет для американских кузенов. Рэналд Гатри, писал он, мог бы обладать мягким и добрым нравом, если бы не получил травму головы при рождении. Ситуация с ним в дальнейшем усугубилась недостатком родительского внимания в годы формирования характера, когда что-то еще можно было бы исправить. Если же говорить о его нынешнем состоянии, то он превратился в крайне неприятного субъекта, страдающего заметным нервным расстройством. Однако это еще не давало оснований сразу же упечь его в психиатрическую лечебницу. Лондонский эксперт поделился и своим прогнозом на будущее. По его взвешенному мнению, состояние мистера Рэналда Гатри могло резко ухудшиться, а значит, его американским родственникам не стоило терять надежды. Но, с другой стороны, с такой же степенью вероятности оно могло склониться в сторону улучшения, или, если уж не исключать ни одного из вариантов, оставаться стабильным – иными словами, таким же, как и ныне. Засим светило с Харли-стрит отбыло восвояси, выставив счет, равнявшийся примерно одной гинее за каждую милю проделанного путешествия¹⁰, и приложил к нему заявление на компенсацию за причиненный ущерб здоровью, хотя дворняга не успела толком ничего ему отгрызть, и стыдно предъявлять претензии к псу за несостоявшийся ужин. Как бы то ни было, но на этом попытки американских кузенов поднять под себя шотландские владения Гатри временно прекратились. В прошлом Гатри ловко обвел их вокруг пальца и тем самым поселил в головах планы мести.

⁹ Улица, на которой расположены приемные самых известных врачей в столице Великобритании.

¹⁰ Расстояние от Лондона до некоторых областей Шотландии составляет более тысячи миль.

Все это и чуточку больше я узнал от доктора Джерви, поскольку мы часто вместе готовим церковь к очередной службе и порой имеем возможность обсудить наиболее серьезные события, происходящие в нашем приходе. И, должен признать, не раз в наших беседах вспоминали мы об обитателях Эркани, потому что священника весьма беспокоила судьба молоденькой девушки, которую звали Кристин Мэтерс. Но об этом ниже, а сейчас я закончу о чучелах. Именно так, чтоб вы знали, называют у нас обычное английское пугало.

Как я уже упоминал, всем в Кинкейге было известно, что Гатри буквально одержим пугалами, торчащими посреди принадлежавших ему полей. Когда я говорю одержим, это значит, им владела навязчивая идея. Он вбил себе в башку, что один из парней, которые напяливали на крестовины старые брюки и пиджаки, мог по неосторожности или забывчивости оставить в кармане монету. Престранное, доложу я вам, это было зрелище, видеть, как богатейший землевладелец слоняется по полям от чучела к чучелу и роется по карманам в поисках мифических грошовых медяков. Причем так он ходил постоянно и мог обшарить одно и то же пугало три раза за день. Народ, узнав об этом, решил, что он точно сошел с ума. Но толстяк с Харли-стрит сказал твердо: нет. Он увидел лишь проявление невроза, *folie de doute*¹¹, но вовсе не признак помутнения рассудка, как не запишите вы сразу в сумасшедшие человека, который встает два раза за ночь, чтобы проверить, задвинул ли он засов на входной двери, хотя вроде бы должен точно знать, что задвинул. И, если судить со строго медицинской точки зрения, доктор был, конечно же, прав.

А то, что Гатри делал на собственных полях, он повторял и на землях арендаторов, и некоторые называли это браконьерством и незаконным вторжением, а иные доходили до утверждения, что по браконьерам закон разрешает стрелять без предупреждения. Самое странное заключалось в том, что Гатри питал не меньшее уважение к чужой собственности, чем к личной, и потому так необычно было наблюдать, как он со своей загадочной целью заходит на территорию арендаторов. А разница бросалась в глаза. Находясь на своей земле, он шагал прямо и уверенно, как если бы проверял, в порядке ли у него запруды или ограды. Но если речь шла о чужих владениях, то он мог стоять на меже аж десять минут, спокойно осматриваясь по сторонам своими огромными глазами, в которых, как утверждали свидетели, появлялся при этом почти золотой блеск, а потом мгновенно срывался с места, подбегал к пугалу и обшаривал его быстро и бесшумно, как хореk. Он несказанно удивлял всех этой своей привычкой, но еще больше поражались те, кто прежде не знал, что Гатри был не какой-то простолюдин, а принадлежал к одной из наиболее знатных и древних семей Шотландии. Обыватели могли считать его мразью, но благородное происхождение все равно отчетливо в нем проявлялось. Если детишки начинали дразнить его, что делали довольно-таки часто, он никогда не то что не бросался наказывать их и не ругался последними словами, как поступил бы любой горожанин, а просто проходил мимо, словно ничего не замечая. Впрочем, иной раз он окидывал пространство вокруг себя таким взглядом, будто перед ним в воздухе возникал во плоти образ самого дьявола. И когда он выгнал со своей земли семейство Гэмли, слухов о его пакостной натуре, понятное дело, только прибавилось.

Место для замка Эркани было выбрано в стародавние времена по причине его неприступности. Он окружен отвесными скалами и камнями, а приусадебная ферма представляет собой лишь небольшой оазис посреди густой рощи лиственниц, где выращивают овес и турнепс. Роб Гэмли считался наемным управляющим фермы и вместе с двумя старшими сыновьями обрабатывал землю, за что ему платили жалованье и предоставили домик под жилье. Еще была у Гэмли молодая жена, его вторая, и от нее он тоже завел двух отпрысков. В своих поздних детях Роб, что называется, души не чаял: в этих худощавых близнецах – мальчике и девочке. Быть может, он чересчур баловал малышей, потому что именно из-за их бездумной

¹¹ Психоз сомнения (*фр.*).

шалости и начались у семьи неприятности. Однажды днем в конце октября, играя неподалеку от своего дома, они заметили хозяина имения, шагавшего через соседнее поле, тыкая тростью то туда, то сюда, что со стороны выглядело вполне разумно. Но даже эти ребятишки догадывались, куда он на самом деле направлялся, поскольку прямо перед ним высилось устрашающих размеров новое пугало, которое их отец установил пару дней назад. И тут маленький Джорди Гэмли – шалунишка по натуре, это уж точно, – проскользнул за оградой прямо к чучелу и спрятался позади него, просунув руки внутрь пиджака, напыленного на страшилище. И когда Гатри приблизился, Джорди начал размахивать рукавами, словно это само пугало вдруг ожило, и запел старую детскую песенку:

Придет страшная рука
И ухватит за бока!

Его сестра Элис, сидя за забором, заливалась смехом, Джорди вернулся к ней, и оба побежали со всех ног куда подальше, потому как, будьте уверены, побаивались Гатри и его злых глаз, страшились того, что он может с ними сделать за такую издевательскую шутку над собой. Но Гатри напрямик отправился к себе в замок, взял немного денег, вернулся в дом управляющего, высыпал серебро перед ним на стол, обозвал близнецов ублюдками, а для их матери нашел ругательство совсем уж неприличное, после чего дал семье двадцать четыре часа, чтобы они убирались с его земли на все четыре стороны. У Гэмли, наемного работника, не осталось выбора, кроме как уехать, и он уехал, не вымолвив тогда больше ни слова, как рассказывала его жена, а только расхаживая по дому и собирая вещи, с лицом бледным, как череп овцы, валяющийся в вереске и отбеленный солнцем и дождями. Ему и в голову не пришло наказывать близнецов, и жена даже испугалась такой слабохарактерности. Но злобу он, несомненно, все-таки затаил, но не на своих детей, а на Гатри.

Семейство Гэмли направилось в чужие края по ту сторону Бен-Кайли, и в десяти милях ниже тамошнего озера они взяли в краткосрочную аренду разработку месторождения глины на черепицу, однако с наступлением новых холодов выяснилось, что глина плохого качества. Кровельщики жаловались, что черепица не выдерживает напора ветра и дождей, но, даже имея кое-какие сбережения, Роб Гэмли не мог себе в то время позволить ничего получше. Все посчитали, что Гатри поступил с Гэмли не по-людски, и его имя стало еще более презираемо в Кинкейге. Старики с преувеличениями принялись вспоминать и рассказывать мрачные истории о жестокости и сумасшествии предков Гатри, а о членах семьи, отличавшихся добрым и мирным нравом, забыли вообще, хотя в роду и таких когда-то водилось немало. И снова пошли разговоры, что у Рэналда Гатри «дурной глаз», а это не более чем вздорное суеверие, распространенное среди одних только католиков да совсем темных жителей наших гор. Но так считала, например, миссис Макларен – та самая, которой явилось позднее видение Таммаса, – и всему Кинкейгу вновь пришлось выслушивать басни о том, что приключилось с ее свиньями.

4

В прежние времена некоторых из рода Гатри считали у нас колдунами. По одной легенде, в правление Якова I Александр Гатри наложил такое сильное заклятие на Джона Лорда Боллуэйна, главу клана Дугласов, что тот совершил измену и перешел на сторону короля. А про другого Александра распустили еще более невероятный слух. Когда его в наказание за соблазнение дочери некоего Кокрайна, фаворита при дворе Якова III, высадили на необитаемый остров Мэй, где питаться можно одними яйцами чаек, он дескать завернулся в плащ, подбежал к морскому берегу и одним прыжком оказался на Басс-Рок, а другим – уже

на Норт-Бервик Ло, чтобы на закате того же дня в безопасности поживать вместе с похищенной возлюбленной во Франции. И хотя самому Рэналду Гатри не приписывали таких чудодейственных способностей, за ним, как считалось, стояли богатые семейные традиции. Все знали, например, что он постигал неведомые науки, рыл ямы вокруг укреплений древних римлян, которые были заклятыми язычниками, собирал и записывал старинные руны – а что те руны не имели никакого отношения к ведьмовским песнопениям у котлов с отравленным зельем, так об этом на весь приход ведали только я и священник. И естественно, у Рэналда Гатри имелись глаза, но самые обычные, как и у всех членов его рода, в котором мужчины из поколения в поколение походили друг на друга, как Габсбурги или Стюарты на исторических картинах. Однако малограмотные и не слишком умные наши прихожане, подобно миссис Макларен, все равно опасались его колдовских чар, заклятий и вечно тревожились за благополучие собственных свиней и коров.

Должен вам здесь напомнить, что сам Макларен был у нас кузнецом. И через какое-то время после визита к нам медиков (а их злосключения заставили многих глупцов в городе снова заговорить о колдовской традиции владельца замка) у Макларена разгорелась жаркая ссора с Гатри из-за подков для ослика, которого в Эркани держали для Кристин Мэтерс. Любые контакты Гатри с обывателями Кинкейга – пусть и очень редкие – неизменно заканчивались бранью, а этот вылился в настоящий скандал. Потому что Макларен, справедливо взбешенный, что из оплаты его трудов удержали то ли шесть пенсов, то ли шиллинг, высказал все прямо в лицо Кристин, приходившейся лорду почти что дочерью. И хотя Гатри умел справляться с любыми проявлениями неуважения к себе, попросту игнорируя их, на этот раз он тоже разгневался не на шутку, по словам самого Макларена, а его жена пребывала в уверенности, что он затаил против них ненависть с того самого дня. Лично я не думаю, будто Гатри даже запомнил этот эпизод, и уж тем более надолго: если книга натур человеческих раскрыта перед вами и доступна пониманию, то вы легко разберетесь, что Гатри относился к тому типу людей, которых в жизни интересует и по-настоящему волнует какая-то единственная идея. Причем захватывает настолько, что все остальное подвергается забвению, и они мало что замечают из происходящего вокруг. Но миссис Макларен втемяшилось, что, будь у Гатри такая возможность, он непременно сглазил бы ее свинок. Считая Гатри самым злым человеком от Ферт-оф-Форта до Мороя, а своих грязных хрюшек наиважнейшими существами на всем белом свете, эта простодушная женщина почитала естественным, что злодей непременно возжелает их уничтожить. Она дошла до того, что призвала доктора Джерви и священников из церквей в Мерви и Дануне организовать бдение, то есть не ложиться поживать одновременно, а по очереди бодрствовать и отпугивать нечистую силу от наших мест.

Ее свиноматок как раз осеменил боров Роба Юла, и хозяйка нарадоваться не могла на этих созданий, постоянно входила в хлев и вдыхала чудный для нее запах, как тот турист, что на плакатах рекламирует лечебные свойства озонированного воздуха в Нэрне, и выглядело это так, словно одна из свиней должна была родить по меньшей мере принца Уэльского. Как-то раз миссис Макларен наварила им огромный котел ботвиньи – ведь каждая свиноматка должна кушать за десятерых, все повторяла она, – а потом выкатила котел во двор, чтобы немного остудить варево, но кого же увидела в то же мгновение идущим по дороге в Дрохет, как не лорда собственной персоной! Миссис Макларен испуганно засуетилась: она была уверена, что если Гатри положит свой «черный глаз» на ее свинок, не видать ей приплода как своих ушей. Поэтому она сразу же налила ботвинью в кормушки за хлевом и пригнала к ним свиней, которые не нуждались в понукании, почуяв запах пищи, а двери прикрыла, и потому Гатри пришлось бы теперь проявить откровенное любопытство, чтобы бросить свой недобрый взгляд на животину. Но в Гатри при всем аристократизме и учености не до конца умерли и инстинкты фермера, а потому, унюхав свиней, он по-доброму поздоровался с миссис Макларен и заглянул за хлев, где и увидел грязные задницы свиноматок,

приникших к кормушке и жадно из нее хлебавших. К следующему утру все свиньи миссис Макларен подошли. И хотя многие убеждали ее, что нельзя было перекармливать хрюшек таким огромным количеством слишком горячей ботвиньи, старую хрычовку ничто не могло переубедить. Она считала происшествие кознями лорда, который, как всем известно, никогда не ходил в церковь и уж наверняка знался с самим дьяволом. И вот эту историю, как я уже сказал, нам приходилось выслушивать снова и снова после изгнания семьи Гэмли, и постепенно все больше жителей Кинкейга убедили себя, что сам Люцифер нашел себе пристанище в замке Эркани.

Но скоро стало казаться, что Люциферу суждено одинокое существование в замке на недоброй славы скале. Шли недели, народ гадал, кто поселится на домашней ферме вместо Гэмли, но новостей не было, и пошли толки, что желающих трудиться за столь жалкую плату и вовсе не сыщется, поскольку только такие простаки, как Гэмли, могли без усталости обрабатывать тамошнюю скудную почву, чтобы все денежки доставались хозяину. Однако никто не слышал и о том, чтобы лорд подыскивал нового управляющего для фермы. Затем Уилл Сондерс вернулся с ярмарки в Дануне и сообщил, что все сельскохозяйственные орудия с фермы Гатри продали там буквально через три дня после отъезда Гэмли. Стало очевидно, что землю в том месте больше обрабатывать не будут. Уилл считал, что к весне в Эркани наймут пастуха и еще один земельный участок пойдет под пастбище для овец. Скоро, пророчествовал он, от старой Шотландии не останется ничего; только горстка горцев, которые будут лизать задницы богачам, приезжающим поохотиться на фазанов, а еще понаедет миллион нищих ирландцев, чтобы заполнить голодной толпой все берега Клайда.

Никто на самом деле не знал, что у Гатри на уме, хотя в догадках недостатка не ощущалось, но только с закрытием домашней фермы Эркани превратился в совсем уж изолированное от внешнего мира место. Если раньше кто-нибудь из семьи Гэмли сообщал последние сплетни из глубины долины, то теперь связующего звена не осталось, если не считать маленькой Айзы Мердок. А скоро и Айза оттуда ушла. Как говорила она сама, останься она в замке немного дольше, и стать ей такой же полоумной, как всем известный Таммас. Женщины в городке приголубили малышку Айзу, как милостивые ангелы могли бы приветить Абдиила, накачали ее чаем так, что ее раздуло, словно на пятом месяце беременности, и слушали каждое ее слово, будто она повествовала о новом спасении Ливингстона из Африки. И, уж поверьте, впечатление создавалось такое, словно речь шла о местах весьма отдаленных и пустынных.

Здесь, наверное, уместно рассказать вам немного об истории и устройстве жизни в замке Эркани, ведь сейчас уже трудно поверить, что в стародавние времена он давал пристанище многочисленным обитателям. Но с тех пор, как семья Гатри почти полностью разорилась при попытке участвовать в плане Дарьена¹², замок пришел в сильное запустение. В восемнадцатом веке у их рода едва хватало денег на пропитание, но гордость аристократов не поколебали даже огромные долги, и они упорно отказывались продать хотя бы акр своей земли. Когда же им удалось поправить финансовое положение в ранние годы правления Старой Королевы, они не поспешили заново перестроить стены замка и обставить его по моде – не от них ли унаследовал некоторые черты характера Рэналд? Однако до того самого времени, когда Рэналд вернулся на родину из Австралии и унаследовал родовой замок, лорды Гатри все же придерживались определенного аристократического стиля жизни. В замке не было недостатка в слугах, лакеях и горничных, домашний капеллан учил детишек латыни и проповедовал слово Божье, а члены семьи исправно посещали церковь. И только уже при Рэналде все начало меняться в худшую сторону. Почти сразу по прибытии он избавился от прислуги так же бесцеремонно, как позже от Гэмли. Большинство залов и комнат запер на

¹² Провалившаяся попытка Шотландии создать собственную колонию в Центральной Америке в конце 1690-х гг.

замок, а если замка в дверях не оказывалось, то не посылал за слесарем в Данун, а попросту сам заколачивал гвоздями – ни пенни он не тратил зря, как и не желал никого видеть, поселившись почти в полном одиночестве, словно мышь в подвале собора.

Вышеупомянутое стало уже давней историей, потому что во владение замком Эркани Рэналд Гатри вступил еще в 1894 году. Но и сейчас, когда я пишу эти строки, там мало что изменилось. Миссис Мензис, чистая душой и кроткая женщина, воспитавшая Кристин, уже сошла в могилу, и в семье, если ее можно считать таковой, остались только сам Гатри и Кристин. Хардкаслы, муж и жена, занимали в замке отдельный флигель, причем миссис Хардкасл утруждала себя только той работой, какую уж никак невозможно было перепоручить маленькой Айзе, единственной служанке. А в сарае за господским домом спал и брал на себя лишь самый простой физический труд полоумный Таммас. Конечно же, Айзе было не место в этом уже обветшавшем, холодном и пронизанном гулками звуками эха доме в глуши среди леса и скал. Семнадцатилетняя девушка каждую субботу отправлялась автобусом в Данун или веселилась с парнями из Кинкейга до самых сумерек. Многие удивлялись, почему она давно не уволилась. Одни утверждали, что ее удерживала любовь к Кристин, и она не хотела бросать ее в замке совершенно одну. Другие намекали на двух великовозрастных сыновей Гэмли, которые порой сполна пользовались возможностью порезвиться с горничной на мягкой и ароматной траве окрестного леса. Но что бы ни удерживало Айзу в замке – Кристин или мускулистые братья, никто не подверг сомнению ее слова, что в конце концов уйти ее принудил сам Гатри.

Большую часть времени Айза почти не сталкивалась в доме с хозяином. Благо он практически все дни проводил в своем кабинете на вершине самой большой башни, а когда ему хотелось прогуляться в лесу или порыбачить в Дрохете, он спускался по длинной винтовой лестнице, на которую выходили только двери его личных комнат, и выбирался через небольшой черный ход, отдаленный от большей части остального замка, причем ключ неизменно хранился в кармане у него одного. Айза виделась с ним чаще всего за трапезами, длившимися недолго, но ей и этого вполне хватало. Лишь раз в неделю ей позволялось входить в его спальню для наведения порядка, и тогда она слышала, как этажом выше он меряет кабинет шагами и бормочет стихи – чужие или собственного сочинения. Потому что Гатри, к вашему сведению, был не только ученым мужем, но и поэтом. Много лет назад он даже выпустил сборник своих произведений, тонкую книжку в черно-желтой обложке, немало удивившую всех, кто считал, что стихотворения шотландского лорда естественным образом станут подражанием Роберту Бернсу. Тогда я и сам был гораздо моложе, и никогда бы не признался вслух, что обувных дел мастеру может пойти на пользу знание кое-какой классической литературы, но раз в неделю я отправлялся знакомиться с книжными новинками в библиотеку Дануна. Десять миль туда, десять обратно, а происходило это задолго до того, как между двумя городами стал курсировать субботний автобус. И мне в память запала рецензия на его сборник, напечатанная одной лондонской газетой, которая заканчивалась так: «Мистер Гатри увлечен идеей падения в пропасть». Я еще подумал, что «увлечен идеей» совершенно неверная фраза. Просто рецензент поставил Гатри в один ряд с множеством поэтов той эпохи, которые только заигрывали с мыслями о вечном проклятии и смерти. А Гатри (как же давно я проникся этой мыслью!) в самом деле чувствовал на себе проклятие обреченного. Впрочем, я, возможно, был настроен слишком романтически.

Но вернемся к Айзе Мердок. За едой она видела его лишь мельком, а за уборкой слышала, как хозяин декламирует стихи, и так продолжалось до одного из дней вскоре после отъезда Гэмли. Однажды она подметала коридор у комнаты Кристин – ее учебной комнаты или класса, как все называли это помещение, – неожиданно повернулась и увидела, что Гатри стоит у нее за спиной и пристально смотрит. Она едва не лишилась чувств, по ее собственным словам, поскольку никогда прежде не сталкивалась с лордом в доме и не ловила на

себе его пронизывающего взгляда, потому что, как я уже упоминал, у Гатри была привычка смотреть словно бы в никуда. Ей померещился золотистый блеск в его глазах, рассказывала Айза, заметный даже в мрачном и полутемном коридоре, а когда его губы зашевелились, а он еще не произнес ни звука, обращаясь к ней, за все время ее работы в замке, Айза ожидала услышать заклятие, от которого окаменеет.

Но Гатри лишь негромко сказал:

– Откройте все двери в доме.

5

Необычайный получился день для Кристин Мэтерс, Айзы и жены Хардкасла, когда они открывали прежде наглухо запертые помещения замка Эркани. Они раздвигали тяжелые портьеры, державшиеся на проржавевших кольцах, и неяркий свет осеннего солнца освещал приметы почти сорокалетнего запустения – грязь, поломки, следы работы древесных жучков, гниль, плесень и паутину размерами с театральный занавес. Айза повернула ключ в замке двойной двери, которая прежде вообще не попадалась ей на глаза, и неожиданно оказалась в бильярдной, где в центре стоял огромный стол, похожий на монстра под покрывалом или на каталку из гигантского морга. Девушка подошла и дотронулась до него с любопытством и легким страхом – прежде она не видела ничего и близко похожего. От ее прикосновения свернувшаяся сетка угловой лузы распрямилась, два шара с грохотом упали на пол и укатились куда-то в тень. Айза рассказывала, как ее буквально сковало при этом от ужаса, словно движением руки она разбудила таинственное чудовище. Бросившись вон из комнаты, она позвала на помощь мисс Кристин, но в то же мгновение чуть не наткнулась на острие шпаги; это хозяин начал снимать со стены покрытое ржавчиной холодное оружие и принялся фехтовать, пронзая воздух, как обезумевший Гамлет, решивший расправиться с королем Дании Клавдием. Но на сей раз Гатри снова не видел Айзы, глядя поверх ее головы и бормоча себе под нос что-то о напряженной атмосфере, когда простонародью хорошо бы знать о клинке, который ты хранишь наверху. С этими словами он куда-то наверх и ушел, по-прежнему со шпагой в руке, после чего до обеда его никто не видел.

А к обеду всех ожидал еще один шок, поскольку хозяина обуяло желание поесть в большом обеденном зале – необъятных размеров темном помещении, которое, вероятно, должно было символизировать величие рода Гатри былых времен. Холод и эхо гуляли по залу, причем влажная прохлада несколько смягчала эффект отражения звуков от стен и потолка. Стояла удушающая вонь подгнившей древесины, а на хорах исполняли свою визгливую песнь крысы. Перед камином из резного мрамора, таким высоким, что туда можно было вполне поставить двух шотландских пони, громоздился длинный стол фламандской работы, тоже пострадавший от древесных насекомых. За него напротив друг друга и уселись лорд со своей подопечной Кристин, а маленькая Айза Мердок, теперь уже откровенно оробевшая от всех приключений дня, подала им тушеного кролика, но не на щербатом фаянсовом блюде, а на слегка отполированном серебряном подносе. Затем Гатри приказал принести из подвала вина, и когда перед ним поставили пыльные бутылки, уставился на них с таким изумлением, словно они содержали некий неведомый эликсир, посланный ему с другой планеты, как будто в Эркани отродясь ничего не пили, кроме воды и молока. Миссис Хардкасл разыскала штопор, и Гатри какое-то время возился с ним, точно собирался вынуть пробку и обследовать содержимое, но затем поднялся из-за стола и велел всем продолжать начатую работу, напомнив, что они еще не открыли галерею.

Поднимаясь наверх, Айза спросила Кристин, известно ли ей, что задумал лорд, и собирается ли тот после стольких лет уединения снова стать частью местной аристократии? Но Кристин, казалось, вообще ничего не знала, ее мысли, как обычно, витали где-то далеко, и

она вела в Эркани сонную жизнь, хотя за каждым ее сном могла таиться истинная страсть. Айзе ничего не удалось вывести, когда они оказались наверху лестницы перед дверью, ведущей на галерею.

Галерея замка Эркани была построена одним из владельцев в конце семнадцатого столетия незадолго до того, как жажда быстрого заморского обогащения razорила и всю Шотландию, и семью Гатри. Он часто бывал в Англии, и ему пришлось по нраву то, как англичане строили свои огромные дома в эпоху Тюдоров. Вернувшись в Эркани, он велел снести часть внутренних перегородок между помещениями верхнего этажа и устроить длинную галерею с невысоким потолком. Она огибала замок почти по периметру, и замкнуть ее окончательно помешала только большая башня – пробить проход через стены толщиной в девять футов не удалось. Рассказывали, что, завершив прокладку галереи, тот лорд полюбил ненастные дождливые дни, поскольку теперь мог совершать прогулки и тогда, получая удовольствие от движения, счастливый, как жаворонок в небе. Признайте, весьма невинная забава для одного из представителей семейства Гатри.

Во времена Рэналда в галерею не проникал никто, а когда Кристин и Айза изучили вход в нее, то им подумалось, что никто уже и не проникнет. Туда вела единственная дверь, но массивная и окованная железом – именно из-за врезного замка для нее сорок лет назад Гатри, запирая большую часть помещений, поссорился со слесарем, недоплатив тому за труды. Как рассказывала Айза, Кристин даже побледнела, заметив, с какой яростью заколотили именно эту дверь. Огромной длины гвозди наклонно вогнали сквозь ее доски в косяки, причем, судя по умелым и сильным ударам молотка, сделал это человек, чьи руки привыкли держать топор и кувалду еще на полупустынных равнинах Австралии. Конечно, в первую очередь желание сэкономить деньги заставило скупого до крайности Гатри почти полностью закрыть залы и комнаты замка, но здесь совершенно очевидно проявила себя и некая другая страсть. Сорок лет прошло, сорок лет это таилось под спудом, но сейчас проявилось в полной мере подобно тому, как самые сильные эмоции скульптора навсегда запечатлеваются в материале, с помощью которого он творит. В этом случае материалом послужили толстые дубовые доски, потемневшие теперь от старости.

По словам Айзы, до этого момента лорд только отдавал приказы – сделайте то, откройте это, – но сам почти не принимал участия в своей новой затее, словно все еще сомневался, правильно ли поступает. Но потом он поднялся наверх, увидел двух молодых женщин, беспомощно стоявших перед дверью галереи, и внезапно им овладело желание крушить все подряд. Гатри редко охватывали приступы истинной злости. Человек хладнокровный и гордый, он почти никогда не терял самообладания, и от него скорее можно было ожидать ироничной и жесткой вежливости, нежели подлинного гнева, потому Айзу так напугало охватившее его бешенство при виде злосчастной двери, словно сам Сатана заметался перед воротами, где стражами стояли Грех и Смерть. Подойдя к окошку на лестничной площадке, он хриплым, громким голосом окликнул бесцельно болтавшегося по двору Таммаса и велел принести ему топор, но прежде убедиться, что тот хорошенько заточен. Пусть ему исполнилось семьдесят, но, как всякий Гатри, он был еще способен завалить дерево в своем лесу или выйти с оружием в руках против Гладстона и ему подобных, облапошивших жителей Эдинбурга в 1880-е. Через какое-то время к нему поднялся Таммас с топором, открыв от страха свой вечно слюнявый рот. Топор выглядел необычно – его длинная рукоятка имела небольшой изгиб, каких обыкновенно не делали местные мастера. Гатри скинул пиджак, встал, широко расставив ноги, оставшись в одной нижней сорочке, и выкрикнул:

– Все назад!

Причем таким страшным голосом, что Таммас попятился, запутался в собственных ногах и кубарем скатился с лестницы. Айза охнула, а Кристин кинулась вниз посмотреть, не сломал ли Таммас себе что-нибудь при падении, и только сам лорд ни на что не обращал

внимания, не сводя пристального взгляда с дубовой двери галереи. И через мгновение он принялся рубить ее с такой силой, с какой человек пытается пробить себе путь наружу из горящего дома, но только действовал с ловкостью и сноровкой, удары сыпались внешне с легкостью, но точно, в нужное лорду место. Он орудовал топором, как магическим мечом Эскалибуром, вырубая из двери крупные куски древесины и легко замахиваясь для нового удара. Как только топор в первый раз обрушился на дверь, из-за нее донеслось громкое шуршание и визг. Это бросились врассыпную сотни крыс, десятилетиями привыкших мирно укрываться под сенью закрытой галереи. После второго удара подали голос собаки на псарне во дворе замка, а Таммас пришел в себя и принялся в голос стонать. Жена Хардкасла возилась в это время в кухне и, будучи подслеповатой и глуховатой, тут же выбежала во двор, начав звонить в большой ржавый колокол, который еще несколько столетий назад установили, чтобы оповещать обитателей Эркани о пожаре или приближении врагов. Поистине такой суеты не поднималось ни в одном шотландском замке с тех пор, как было найдено тело короля Дункана, обернутое в окровавленные простыни.

Но Гатри орудовал топором без передышки, пробивая бреши в двери здесь и там. Прошел час, когда, весь обливаясь потом, он попросил воды, прополоскал рот и сплюнул, а потом снова вонзился в толщу дерева. Он сильно побледнел, рассказывала Айза, только на щеках горели алые пятна, но его пальцы по-прежнему стальной хваткой держали топор, и не появилось ни малейшей дрожи в ногах. Четыре часа пополудни, пять. Последние лучи солнца, в которых играла поднятая пыль, пробивались на площадку сквозь старую каменную лестницу, во дворе удлиннились тени от укреплений восточной стены, напоминавшие сейчас неровные черные зубы. Наконец в половине седьмого остатки могучей двери с грохотом провалились внутрь. Покончив с ней, Гатри спустился вниз, переоделся и попросил подать ужин, причем с таким видом, словно только что закончил вполне обычный для себя рабочий день. Теперь он уже позволил себе выпить вина, того самого, что принесли еще к обеду, и предложил бокал Кристин – торжественно и официально, по описанию маленькой Айзы. Складывалось впечатление, что он угощает незнакомку, оказавшую честь замку Эркани своим посещением.

Таковы были события дня накануне ухода Айзы из замка. Но мне еще только предстоит описать то, что произошло ночью и решило судьбу молодой горничной. А потом я расскажу вам кое-что о Кристин Мэтерс, как и о той роли, которую довелось сыграть мне самому в судьбе замка Эркани.

6

Был тому виной удар головой при падении с лестницы, или же его настолько поразило странное поведение хозяина, но только что-то нашло на полоумного Таммаса позже вечером. Даже в самые спокойные времена был он человеком неуравновешенным. То вел себя смиренно и разумно, а то вдруг как будто последнего ума лишался. Временами казался таким покорным и добродушным, что хотелось пожалеть его: нельзя не посочувствовать, если у парня, как говорится, не все дома. А порой становился злобным и диким, будто дьявол в него вселялся. Но при этом он никогда не доставлял неприятностей женщинам, и даже, казалось, не воспринимал их как существ другого пола, а считал созданиями среднего рода, если позволите мне так выразиться. Айза не опасалась его и кормила в уголке кухни без тревожных мыслей в голове, как если бы кормила кур. Но, вероятно, падение с лестницы оказало на его ум некое пагубное воздействие, для которого лишь мудрец с Харли-стрит нашел бы научное название, а только в ту ночь мужская природа вдруг проснулась в Таммаса, и он решил потешить свое естество с Айзой. Посреди ночи горничную разбудил хруст, издаваемый явно не крысами. Она открыла глаза и при свете полной луны увидела, как Таммас лезет к ней в

окно. Одного взгляда на его лицо оказалось достаточно, чтобы она выскочила из постели и метнулась в коридор, чувствуя слабость в коленках. Таммас издал жуткий для слуха рык и проник в спальню, чтобы броситься в погоню.

Первой мыслью Айзы было бежать к Кристин, но даже вдвоем они могли не справиться с впавшим в бешенство безумцем. Кроме того, ей вообще показалось неправильным привести его за собой к молодой хозяйке. Она задержалась ненадолго в конце коридора, где перед ней открывались две возможности. Можно было побежать во флигель к Хардкаслам или в противоположную сторону к башне под защиту лорда. И хотя она побаивалась Гатри, но все же понимала, что в такой ситуации он окажется надежнее Хардкасла, который, во#первых, сам порой бросал на нее похотливые взгляды, а во#вторых, был отпетым трусом и мог отказать в помощи. Поэтому, плотнее обернувшись захваченной шалью, она направилась к башне, и только на полпути у нее зашло сердце, когда она вспомнила, что хозяин запирался на ночь чрезвычайно основательно, а значит, проникнуть в башню и добраться до него совершенно невозможно. Она замерла на месте, когда Таммас уже начинал настигать ее, в отчаянии ища место, где спрятаться. А потом бросила взгляд в большое окно и заметила движущийся луч света вверху на противоположной от нее стороне двора. Гатри еще не заперся на ночь в башне, а обследовал свою вновь открытую галерею. И Айза побежала к главной лестнице, уже не вслушиваясь в звук шагов своего полоумного преследователя, а в спешке преодолевая неровные каменные ступени, и неслась вперед так, словно хотела выиграть главный приз в соревнованиях по бегу во время субботнего школьного пикника.

Только почти добравшись до верха, она додумалась закричать, но не хватило дыхания – из горла вырывались лишь едва слышные звуки. И уже наверху, вбежав в галерею через пролом двери, она громко завопила от страха, потому что прямо перед собой вдруг увидела Гатри, мертвенно бледного, в килте и с огромным боевым топором в руках. Но уже через несколько мгновений Айза поняла, что смотрит на портрет предка своего хозяина, подсвеченный луной – одну из множества старинных картин, развешанных по всей галерее. А самого Гатри ей еще только предстояло найти. Он должен был находиться за углом, а таких углов у галереи, напомним, насчитывалось три.

Она бежала длинным и скудно освещенным коридором из комнаты в комнату, когда внезапно ясно расслышала чье-то дыхание за спиной. «Это наверняка озверевший дурачок», – подумала она, все еще не видя хозяина. В испуге Айза резко заскочила в какой-то альков, рассчитывая, что в нем окажется окно, в которое она уже готова была выпрыгнуть от ужаса. И точно – окно там было, причем выходило оно не во внутренний двор, а за стену замка. И вдруг сквозь наполовину разбитое стекло она услышала песню, отчетливо звучащую в ночной тишине. Это была «Вороны заклевали кошку» – любимая песенка Таммаса.

Вороны заклевали кошку,
Ах, как жаль, ах, как жаль!
А Мэгги видела в окошко,
И будет ей тоска-печаль.

Этот странный напев, который так нравился безумцу, вселил в сердце Айзы не «тоску-печаль», а чуть не свел с ума от радости и облегчения. Выглянув в окно, она увидела в свете луны, как Таммас возвращается в свой сарай, с откровенным удовольствием мурлыча слова. Она отчетливо разглядела его лицо, совершенно спокойное и умиротворенное. Припадок прошел, и он неспешно отправился в свою убогую хижину, чтобы улечься спать.

Но затем Айза снова услышала позади себя чье-то дыхание.

Это мог быть только хозяин. Свернув в сторону от главной галереи, она разминулась с ним, и он оказался у нее за спиной. А стоило ей осознать, что она осталась наедине с Гатри в

этом уютном заброшенном месте, ею овладел такой страх, какого она не испытывала никогда прежде. Потому что опасность, исходившая от Таммаса, который мог ее изнасиловать (она слыхала рассказы о таких случаях, как и многое другое, чего ей слышать не следовало), была ей хотя бы понятна. А вот о том, какой темной властью над ней мог обладать Гатри, она не ведала, поскольку это выходило за пределы фантазии простой горничной. Смутная и неведомая угроза пугает нас больше всего. Ужасы реальные и воображаемые радикально отличаются друг от друга.

Поэтому Айза решила затаиться в алькове и, когда Гатри пройдет мимо, тихо выбраться и вернуться в свою комнату, где она сможет на этот раз надежно запереть на засовы и двери, и окна, чтобы внутрь и комар не залетел. Но по мере приближения Гатри в ней нарастала пугающая уверенность, что своим необычным «черным» глазом он сумеет разглядеть ее даже в темноте. Со стороны входа в альков ее прикрывали два округлых предмета, назначения которых она не понимала и потому тоже посчитала чем-то из области черной магии. На самом же деле пряталась она позади двух шаров – глобуса с очертаниями земной поверхности и небесной сферы с нанесенными на нее созвездиями. В прежние времена часть галереи занимала библиотека, где присутствовало все необходимое для интересующегося науками джентльмена. Но Гатри распорядился перенести большую часть книг в башню, прежде чем закрыть галерею на четыре десятилетия. На полках остались лишь немногие фолианты. В основном труды по протестантской теологии, привезенные из Женевы, к которым безбожник Гатри – да смилуется над ним Господь! – не питал ни малейшего интереса. Кожа их переплетов давно сгнила, напитав все вокруг острым и отвратительным запахом тлена и плесени.

Но Айза об этом не знала и почти ничего не ощущала. Ее интересовали лишь намерения зловещего лорда. Пусть бы он прошел мимо, а она незаметно добралась до двери на лестницу. Однако даже беглого взгляда из укрытия оказалось достаточно, чтобы убедиться – она все еще находилась в плену. Гатри стоял всего в пяти футах от нее в старом и местами порванном халате. В руке он держал обычную домашнюю свечу, отбрасывавшую дрожащую окружность более теплого желтоватого света поверх холодного сияния луны. В галерее царил жуткий холод, и Айза дрожала то ли от него, сидя на корточках в своем убежище, то ли от взгляда лорда. В тот момент, по ее словам, живой Гатри мог вполне сойти за каменное кладбищенское изваяние самого себя. Он был совершенно бледен, полностью погружен в некие туманные размышления, и, несмотря на более чем прохладную ноябрьскую погоду, на его лбу выступили капельки пота. Так он и стоял, уподобившись статуе; лишь учащенное дыхание да странный блеск в глазах выдавали напряженную работу мысли.

«Он простоял неподвижно, должно быть, целых полчаса», – рассказывала Айза, но если учесть, в каком нервном напряжении находилась несчастная девушка, то правдоподобнее думать, что прошло всего минуты три или четыре. А затем он шагнул прямо к ней.

Айза клянется, что даже коротко вскрикнула, когда его рука протянулась вперед, чтобы, как она подумала, вытянуть ее из укрытия. Она закрыла глаза, вспоминая подходящую молитву. Но в голову ничего не приходило, как не ухватила и его рука за ее плечо, чего она в ужасе ожидала. Вместо этого огромный глобус, за которым она пряталась, начал вращаться, касаясь гладкой холодной поверхностью ее предплечья. Она осмелилась снова поднять взгляд и увидела, что хозяин замка все еще пребывал в трансе и не замечал горничной, сидевшей прямо у него под носом. Медленно, бормоча нечто неразборчивое, он вращал глобус вокруг оси. Покрытый пылью мир в миниатюре крутился под его ладонью. Ось скрипела и скрежетала. Выцветшие очертания континентов и океанов продолжали кружение, когда все звуки перекрыл пронзительный голос Гатри. Как ни была напугана Айза, но она четко расслышала каждое слово:

– Это узы крови, и, клянусь всеми силами небесными, он станет!..

Ничто не внушило Айзе той ночью такого панического страха, как эта фраза Гатри и тон, которым он ее произнес, потому что ей стало понятно: существовало нечто, чего лорд смертельно боялся.

Много позже, когда она рассказывала свою историю в Кинкейге, нашлись умники, утверждавшие, что Айза попросту приписала Гатри собственные чувства в тот момент. А начальник станции – наш Великий Мыслитель – и вовсе выразился научно, классифицировав этот случай как чистейший образец переноса эмоций. Но Айза твердо держалась своего мнения: хозяин замка был чем-то напуган, и последующие события заставили всех умников замолчать и признать ее правоту. Что ж, говорили они, видать, у него была причина, а Айза оказалась достаточно умна для такой молодой девушки, чтобы уловить его настроение. Начальник станции пошел еще дальше и заявил, что всегда видел в Айзе чрезвычайно тонкую и восприимчивую натуру.

Произнеся эту фразу, Гатри принялся мерить галерею шагами, расхаживая туда и обратно как раз от алькова до двери, что не давало пока Айзе возможности высвободиться из невольного заточения. Он то ходил молча, то декламировал свои стихи, причем, как запомнилось Айзе, в стихах этих то и дело мелькали шотландские фамилии, а под конец вообще понес какую-то чепуху (думаю, он произносил тексты на иностранных языках). Айза не поняла ничего, как не запали ей в память и его вирши. «Все равно чертовщина небось сплошная», – думала она. Да Айза и расслышала только половину. Сильно беспокоило ее другое. Она долго наблюдала за его более чем странным поведением и не сомневалась, насколько сильно он взбесится, обнаружив ее присутствие. Поэтому она еще плотнее закуталась в шаль, старую и тонкую, пожалев, что не успела надеть присланную матерью добротную фланелевую пижаму, и преисполнилась решимости вытерпеть любой холод, но дожидаться ухода Гатри. По крайней мере он не мог запереть ее в галерее после того, как разнес в щепки дверь. И уже вскоре она почувствовала странную радость, что не одна и лорд составляет ей компанию в этом страшном месте, и даже огорчалась, когда он удалялся в сторону, но в то же время продолжала выжидать, пока он скроется за углом и даст ей возможность ускользнуть отсюда незамеченной. Один раз она чуть слышно вскрикнула, а потом и вовсе закричала, обращаясь к нему за помощью. А случилось это, когда кто-то потянул ее сзади за подол ночной рубашки, и это оказалась огромная серая крыса, агрессивная и наглая, с глазами, как померещилось Айзе, такими же злыми, как у всех Гатри на портретах в галерее. Но лорд снова ничего не услышал: он был погружен в свой мрачный мир и не уставал твердить одно и то же стихотворение с такой же истовостью, с какой молятся иные католики. Лишь иногда он замолкал и начинал всматриваться непонятно куда, держа свечу на уровне лица в вытянутой вперед руке. Когда же он окончательно прекратил декламацию, установилась полная тишина, и Айзе стало слышно, как с улицы стучат в стену ветви деревьев, а в их кронах шелестит ветер. Потом Гатри вдруг громко закричал на шотландском (она и не подозревала, как хорошо он владеет языком):

– Разве это нам не пригодится, друг мой? – И тут же повторил уже шепотом, что оказалось еще страшнее: – Скажи мне, приятель, разве не пригодится?

Снова воцарилось молчание. Айза вся обратилась в такой комок обнаженных нервов, что почувствовала лунный свет на своей спине. И когда лорд громко и трескуче расхохотался, словно внутри у него что-то сломалось, девушка потеряла сознание.

7

Айза пришла в себя и обнаружила, что хозяина больше нет рядом, а крысы назойливо пытаются грызть ей пальцы. Ощущая боль во всем теле, она поднялась сначала на колени, а потом и на ноги. Хотя казалось, что идти она не сможет, постепенно ей удалось выбраться

из внушавшей ужас галереи и добрести до своей спальни. Там, не теряя времени даром, она умылась холодной водой, хотя продрогла до костей, и это придало ей сил упаковать чемодан, как вернуло способность здраво мыслить, чтобы оставить краткую записку для Кристин. Потом она пробралась в кухню и поела, потому что за время ночных походов сильно проголодалась. С первыми проблесками рассвета Айза вышла из ворот замка, неся чемодан на голове, как корзину с бельем для прачечной, опасливо поглядывая на сарай Таммаса. И как же рада она была, когда обогнула озеро и густые лиственницы скрыли от нее серый замок, представлявшийся теперь средоточием зла и проклятым местом! Спустившись по склону холма, она вышла в долину Эркани, вдоль которой протянулась длинная дорога до Кинкейга. С наступлением утра повалил обильный снег, и хотя он сделал путь более скользким и трудным, ей и это казалось благословением свыше, словно белый ковер забвения ложился между ней и только что пережитой ужасной ночью.

Как вы сами понимаете, история Айзы мгновенно облетела весь Кинкейг – для старых кумушек-сплетниц она стала просто находкой в скучные зимние вечера. И подобно любому слуху, зарождающемуся в шотландской провинции, этот не только не потерял ни единой детали, но и оброс новыми. Выяснилось, например, что Айза была вынуждена прятаться за двумя гигантскими идолами, когда Гатри пришел и начал молиться им совершенно голый. Идолов он, видать, и выкопал из земли, ковыряясь вокруг развалин богопротивных римских язычников, а слова молитвы вызнал, якобы занимаясь изучением древних рун. А если в пересказе голым оказывался не сам Гатри, то непременно Таммас – без этой пикантной подробности истории Айзы, пусть и необыкновенной, не хватало элемента скандальности, который так любят сплетники и сплетницы. Но при этом нельзя не отметить, что сама Айза вела себя в подобной ситуации вполне достойно, если учесть, какая шумиха поднялась вокруг нее. Да, она охотно рассказывала о случившемся, но не расписывала свое повествование каждый раз все более красочными деталями, как можно было ожидать от молоденькой девушки. Лишь два дополнения к истории она не знала, к чему отнести: к фактам или игре воображения. Она сама признавалась, что слышала все, как будто во сне. Гатри вроде бы упоминал что-то о Северной Америке и Ньюфаундленде¹³, а к этому в ее смятенном уме добавились еще и два имени: Уолтер Кеннеди и Роберт Хендерсон. Она понятия не имела, кто это такие, как не знал их и никто другой в Кинкейге. Только Уилл Сондерс припомнил, что жил когда-то на дальнем берегу озера фермер Уолтер Кеннеди и уже давно уехал куда-то. Возможно, как раз в Америку или на Ньюфаундленд. А еще сквозь помутненное сознание Айзе показалось, что Гатри склонился над столом и что-то просматривал, но книга то была или какие-то бумаги, девушка видеть не могла. Так вкратце выглядела рассказанная Айзой история. Кинкейг мусолил ее целую неделю, как и, признаюсь, ваш покорный слуга. Слухи и сплетни – вещь заразительная, а зимой сапожнику их перепадает совсем немного.

После ухода Айзы из замка новости из долины почти совсем иссякли. Когда наступила оттепель после первого большого снега, в город раза три наведывался по своим делам этот мерзкий тип Хардкасл. Причем в один из визитов он направился на станцию и воспользовался там кабинкой телефона-автомата. Это буквально оскорбило начальницу нашей почты и телеграфа миссис Джонстон. Она же ничего не узнала о содержании его разговоров, о чем стало бы сразу известно в городе, если бы Хардкасл позвонил с почты. Миссис Джонстон не удержалась бы и рассказала всем. Плевать ей на обязательство, данное королю, хранить тайну переписки и телефонных переговоров. Она не зря чувствовала себя обиженной. Люди обожали пить с ней чай, уверенные, что уж от нее-то узнают немало интересного, и могли счесть ее чересчур заносчивой, если бы она не принесла никаких занятных новостей. А вот Джок Юл, станционный работник, который большую часть дня только и делал, что подметал

¹³ Остров в Канаде, название которого переводится с английского как «вновь найденная земля».

так называемый зал ожидания да помогал с погрузкой и разгрузкой овец из вагонов, сумел-таки изловчиться и подсмотреть, чем занимался Хардкасл в кабине. Он читал в ту штуку, что прикладывают ко рту, какие-то записи из бумаг, лежавших перед ним. А стало быть, отправлял телеграммы напрямую через главный почтамт в Дануне. Ну, значит, скоро небо упадет на землю, пошли у нас разговоры, если хозяин большого замка начал так швыряться деньгами.

Следующее событие произошло, когда в Кинкейг прибыл еженедельный товарный поезд из столицы, и Джок обнаружил в нем на целый грузовик ящиков и корзин, которые следовало доставить в замок. Причем отправителями значились «Макки», «Гибсон» и еще два-три крупных и дорогих универмага в Эдинбурге. И стало ясно, что Гатри, обычно покупавший в Кинкейге раз в год фунт чая и пачку поваренной соли, окончательно выжил из ума. Сам Джок настолько удивился, что даже предполагал получить от лорда за доставку груза полкроны чаевых и стаканчик дармовой выпивки. Но когда он дождался очередной оттепели и сумел проехать на грузовике по дороге в Эркани, хозяин замка ограничился тем, что проверил наличие каждого ящика по накладной, а потом начал спорить из-за высокой, по его мнению, стоимости перевозки, то есть повел себя в обычной, но несколько не странной манере. А Джок, не получивший ни чаевых, ни даже простого спасибо за работу, все равно заявил, что пожалел лорда – тот выглядел так, словно давно не высыпался, и заметно постарел, причем временами казался потерянным и нерешительным.

Для многих в Кинкейге не было лучше подарка к Рождеству, чем известие, что Гатри оставался самим собой, а если он дряхлел, то и это радовало народ, пусть люди и не всегда понимали, чему тут радоваться. Одни пытались искать объяснение его поведению, другие оспаривали их мнение, но сами тоже толком ничего понять не могли. Конец спорам положил начальник станции, снискавший при этом немалое уважение. «Лично я вижу две альтернативных гипотезы» – так он выразился, и оставалось только поражаться, какой эффект могли произвести два непонятных, но красивых слова на малограмотное простонародье.

Хочу рассказать вам об одном разговоре в «Гербе» – это, если вы еще не поняли, наш главный бар, – который закончился несколько необычно.

Я порой люблю заглянуть в этот частный паб, где собирается, как правило, наиболее здравомыслящая часть нашего прихода, и он считается вполне достойным местом, чтобы скоротать за пинтой пива вечерок. В тот раз там был и Уилл Сондерс и Роб Юл. Зашел и начальник станции, все еще, видимо, держа по гипотезе в каждом из внутренних карманов. Это в его манере всем своим видом показывать, что он знает на самом деле гораздо больше, но кое-какую информацию придерживает про запас. Послушать его рассуждения о политике, так можно подумать, что он лично знаком с главными редакторами «Таймс» и «Скотсман». За стойкой хозяйничала миссис Робертс, которая всегда так пренебрежительно стучит бутылками, словно хочет показать, что сама-то она алкоголь ненавидит и только волею судьбы вынуждена постоянно иметь с ним дело. Мужу ее – владельцу паба Робертсу – крепко досталось от нее в период ухаживаний, поскольку она все время подсовывала ему брошюры о вредном воздействии спиртного на сердечно-сосудистую систему, но он все стерпел, пусть ему это и не нравилось. В упомянутый вечер миссис Робертс ни с кем даже словом не перемолвилась, пока не пришел низкорослый мужчина на фамилии Карффрае – местный зеленщик. Карффрае не употребляет настоящей выпивки, а в паб приходит только посплетничать, и потому миссис Робертс держит для него специальное имбирное пиво, не содержащее алкоголя. В прошлом она даже выставила ряд таких бутылочек на стойке с рекламой: «Игристое, освежающее, полезное для здоровья!», но тут уж муж не выдержал и наложил на затею запрет. Мол, всему свое место. Пусть такие объявления ставят в кондитерской, а в пабе им делать нечего. Так вот, этот Карффрае зашел в очередной раз, чтобы выпить свой выхолощенный напиток, и именно он завел заново разговор о Гатри.

– Хозяюшка, – начал он, бросая грустный взгляд на Юла, Сондерса и меня, – появилось такое ощущение, что с недавних пор в нашем приходе ведутся разговоры весьма злонамеренного направления.

– Ваша правда, мистер Карфрае. Ведутся с тех пор, как у нас прокатили закон о праве местного населения¹⁴, – и миссис Робертс с шумом выбросила в мусор несколько пустых бутылок из-под темного пива.

– Ну, уж мы-то с вами здесь особо языков не распускаем, – продолжил Карфрае, снова бросив взгляд на столик в углу, где расположились мы, – но вот в городе находятся неотесанные чурбаны, рассказывающие о лорде скандальные вещи.

– Воистину жаль его! – воскликнула миссис Робертс. – Ему это доставляет столько неприятностей. – И она возвела взгляд к небесам, как курица, когда глотнет воды. – Меня просто-таки возмущают слухи, которые распускают о нем и этой странной девушке Кристин.

– Просто позор! – подхватил Карфрае и облизнул губы так, словно имбирный напиток показался ему сегодня особенно вкусным. – Но вот только, кажется, что люди зря говорить не станут. Должна быть в этом доля истины. Что он воспитал ее, чтобы потом воспользоваться, как иные откармливают домашнюю птицу.

Именно подобные пересуды заставляют меня порой сомневаться в пользе Реформации и соглашаться с теми, кто утверждает, что именно пресвитерианство породило в Шотландии атмосферу для столь греховных сплетен. Однако доктор Джерви – и я вынужден с ним согласиться, – говорит: нет, это мысль ложная, и религия здесь ни при чем. Просто мы живем в суровом краю, где мало тепла, а холодные зимы и студеные ветра проникают к нам в сердца, действуют на умы, вынуждают подолгу просиживать в четырех стенах у очагов, возле которых поневоле зарождаются злонравные и порочные слухи. В отличие от других, я давно научился быть сдержанным на язык и не вмешиваться. Вот и сейчас я отмолчался. Но Роб Юл, хоть он и считается у нас чуть ли не первым богачем, всегда был добросердечным и темпераментным человеком. К тому же Кристин ему нравилась. И потому он легко попался на крючок, заброшенный Карфрае.

– Что, прежней лжи о бедной девушке уже мало? – встал он на ее защиту. – И понадобилась новая?

Здесь уместно пояснить, что Кристин находилась под опекой Гатри как сирота-племянница и носила фамилию его матери. В замок ее привезли совсем ребенком, и была она, как объяснили всем, дочерью брата матери Гатри, вместе с молодой женой погибшего в ужасной железнодорожной катастрофе где-то за границей. Я отлично помню, что поначалу никто не усомнился в достоверности всего этого, пока однажды не наступила столь же холодная и снежная зима, как та, когда я пишу эти строки, и кто-то пустил слухок, подвергнув сомнению официальную версию истории Кристин Мэтерс и намекая на другие отношения между ними, нежели между дядей-опекуном и племянницей. Разумные люди понимали, конечно, что только та атмосфера таинственности, которой окружил себя лорд, и его собственная дурная репутация служили питательной почвой для такой сплетни. Но когда Гатри отказался послать девочку в обычную школу, снова заговорили, что он стыдится ее, поскольку она – его собственная внебрачная дочка. Именно это Роб Юл и назвал старой ложью, а теперь этот коротышка Карфрае, казалось, собирался распустить новую.

– Ладно, сказал он, – тогда как вы объясните, что он выгнал Роба Гэмли, если не из ревности к его молодой жене? Если Гатри не грязный и подлый старик?

Жена Робертса ополаскивала кружки.

– Вы хотите сказать, что Кристин и не племянница ему вовсе?

¹⁴ Акт, принятый, например, в некоторых штатах США, где население путем голосования имеет право запретить продажу спиртного.

Карфрае призадумался над ответом, снова покосившись в нашу сторону.

– Да, я слышал, как люди судачили об этом. – И отхлебнул напитка, каким поят школьников по субботам после молитвы.

Миссис Робертс в шоке цокнула языком и налила себе чая. Она всегда держала под рукой большой чайник и готова была предложить бесплатную чашку любому посетителю, отчего Робертс просто выходил из себя. Тут вмешался в разговор наш Великий Мыслитель.

– Воистину мы с вами живем во времена распушенности, – сказал он. – Жаль, например, что перестали печатать подробные отчеты из лондонских судов о бракоразводных процессах. Ничто не укрепляло в людях нравственности сильнее, чем чтение поразительных историй о разврате, которым охвачена Англия. А если говорить о Гатри, то омерзительно и недопустимо даже думать, будто он мог взрастить юную деву под видом воспитанницы, чтобы сделать потом своей любовницей.

Но Карфрае и после этого продолжил свои гнусные намеки, и когда начальник станции окончательно убедился в смысле его речей, он, хотя и очень начитанный по части разврата в Англии, все же не утратил еще до конца здравого смысла, чтобы откровенно возмутиться. Он окинул Карфрае строгим взглядом и спросил:

– То есть вы не считаете подобные предположения взаимоисключающими?

Сомневаюсь, чтобы этот мозгляк-зеленщик понял смысл вопроса, но зато Роба Юла он не понять не мог. Потому что Роб подошел к его столику, взял стакан с имбирным пивом из его руки и вылил содержимое прямо в стоявший рядом горшок с геранью миссис Робертс.

– Знаешь, Карфрае, – сказал он, – не переводи зря питье и не строй из себя трезвенника, потому что ты уже насквозь отравлен ядом, который хуже любого алкоголя.

Нельзя сказать, чтобы ситуация возникла хоть сколько-нибудь опасная, потому что зеленщик был не из тех, кто полез бы в драку с Робом Юлом; ему бы на это никогда не хватило духа. Но все же все напряглись. Лицо Карфрае приобрело тот желтовато-зеленый оттенок, каким обычно отличалась залежалая капуста в его собственной лавке, начальник станции говорил что-то о привлечении к ответственности за клевету, а миссис Робертс взяла ложку и стала яростно перемешивать заварку в чайнике, как поступала всегда, если ее что-то особенно волновало. И тут неожиданно раздался голос Уилла Сондерса, который, как и я, до того момента ни во что не вмешивался.

– Эй, вы только поглядите! – воскликнул Уилл. – Посмотрите на герань!

Никогда не поверю, что растение могло так сильно пострадать от «полезного для здоровья» пойла, но удивленный тон Уилла и его перст, указующий на прежде не замечаемый нами зачахший цветок, на мгновение создали именно такое впечатление. Впрочем, я тут же рассмеялся над этим как над доброй шуткой, будучи все-таки человеком здравомыслящим и старейшиной нашей церкви. Роб тоже от души расхохотался, вот только мы слишком поздно заметили, что миссис Робертс теперь действительно оскорблена в лучших чувствах. Она с удвоенной энергией перемешивала заварку и издавала звуки, как индюшка, переевшая винограда. В конце концов «полезный для здоровья» служил для нее символом в затяжной борьбе с Робертсом и всеми силами зла в торговле алкоголем, в которую она оказалась против воли вовлечена после замужества. И, уверен, только для того, чтобы отвлечь ее от мрачных мыслей, Уилл вдруг попросил:

– Миссис Робертс, не могли бы вы принести ваш большой атлас мира? Страсть как хочется взглянуть, где он расположен – этот самый Ньюфаундленд.

Оба сына Робертсов подались во флот, и мать, гордясь ими, приобрела огромный атлас, чтобы по нему следить за их странствиями по морям-океанам. А потому, несмотря на дурное расположение духа и общую нерасположенность ко всем, помогавшим ее семье материально, выпивая спиртное в их заведении, в такой просьбе она отказать не могла, поднялась наверх и скоро вернулась с атласом и еще одним чайником для заварки.

И все мы, за исключением Карфрае, все еще не пережившего оскорбления, склонились над атласом.

– Ньюфаундленд – это в Штатах? – спросил Уилл.

Я ответил, что, скорее, в Канаде, но все равно искать его на карте следует в Северной Америке. А у Уилла тут же родился новый вопрос: в какой части Америки жили кузены Гатри, те неудачники, которые попытались объявить его умалишенным?

Миссис Робертс все это так увлекло, что она сразу забыла про шутку с ее геранью и предложила всем бесплатного чая. И даже когда Роб Юл сказал, что предпочтет еще одну пинту пива, пусть за нее и придется платить, она принесла ему кружку, не окинув обычным недобрый взглядом. Она почему-то решила, что Уилл понял причину тревоги лорда и смысл его восклицаний про Ньюфаундленд и Америку, подслушанных Айзой. Лично я был далеко в этом не уверен.

Но Уилл твердо держался мнения, что именно поэтому Гатри распорядился открыть все помещения в замке. После того как кузены попытались упрятать его в сумасшедший дом, ссылаясь на странный и уединенный образ жизни, и, предвидя продолжение таких попыток, он решил устроить демонстрацию своей умственной полноценности. Теперь даже Кристин могла засвидетельствовать: он порой не против даже распить с ней бутылочку доброго вина. И хотя мы не знали фамилии кузенов, но предположили, что их звали либо Кеннеди, либо Хендерсонами, то есть так, как услышала в галерее Айза. Начальник станции иронично заметил, что многим нравится разыгрывать из себя сыщиков-любителей, чем, по его мнению, мы и занимались. А Роб Юл сразу заявил, что Уилл ошибается, а он, Роб то есть, располагает куда как более точной информацией. Фамилия кузенов не могла быть иной, как тоже Гатри. Сам он был еще мальцом, когда молодые Гатри захотели отправиться в Австралию, но в результате двое предпочли Америку. Их отец приходился родным братом отцу Рэналда Гатри, а в Австралию они с Рэналдом не поплыли, потому что семьи не ладили между собой, и молодые люди, случалось, избивали друг друга до крови.

– Вот! – воскликнул Уилл. – Вот оно – кровь!

Зеленщик вздрогнул так, словно кто-то потребовал именно его крови, а миссис Робертс от изумления замерла, держа на весу свой чайник. Но Уилл считал, что нашел еще один недостающий фрагмент загадочной картины.

– Помните, в ту ночь Гатри твердил про что-то в крови? Уж не имел ли он в виду, что ненависть к нему в крови у кузенов? Они однажды попытались отнять у него замок со всем имуществом и могут снова затеять против него такое же злое дело, верно?

Начальник станции назвал эту идею весьма экзотической. А крошка Карфрае, хотя и сидел в своем углу, все еще переживая обиду, не смог удержаться от искушения вставить свое слово в общий разговор. Он напомнил, что у семьи Гатри из Эркани были и другие враги, помимо тех типов из Америки. Взять хотя бы Нейла Линдсея, странную личность, как будто полностью погруженную в далекое прошлое, но уверенную, что с семьей Гатри его род враждовал издавна. Начальник станции, в свою очередь, пошел еще дальше.

– Хотя Гатри ничем не выдавал своей принадлежности к воинствующему националистическому движению, – сказал он, – даже такую версию нельзя полностью сбрасывать со счетов.

– А мне бы очень хотелось, – заметил я, – обследовать галерею в замке.

Они все дружно на меня уставились. Как я подметил уже давно, чем меньше говоришь, тем больше внимания привлекают твои неожиданные слова.

– И еще мне любопытно было бы выяснить, какие именно стихи декламировал он в ту ночь, – добавил я.

Они посмотрели на меня еще более удивленно, а начальник станции попытался возразить, заявив, что не видит, какое отношение к сути дела могут иметь стихи.

– Быть может, вы и не видите. – Я напустил на себя загадочный вид, как это часто любил делать сам Великий Мыслитель.

Роб Юл усмехнулся и спросил, уж не знаю ли я в точности, что у Гатри на уме, и считаю ли правильным предположение Уилла, будто он открыл весь замок только из страха перед родственниками-американцами?

– Мне представляется вероятным, что американские кузены опасаются Гатри не меньше, чем он сам их побаивается. – С этими словами я выбил остатки табака из своей трубки и собрался домой.

Дорогой читатель! Пусть мой пример послужит тебе уроком, что излишняя самоуверенность в оценках часто приводит к ошибкам. Я уже подошел к двери паба, когда она распахнулась так резко, что мне пришлось отскочить в сторону, и внутрь вошла необычная с виду молодая леди, одетая в костюм для вождения автомобиля.

– Надеюсь, я никому не помешала? – спросила она, причем сам ее тон подразумевал, что никому помешать она просто заведомо не могла. Пройдя прямо к стойке бара, она решительно, но дружелюбно обратилась к миссис Робертс:

– Вашей начальницы почты нет дома, а у меня нет времени ее разыскивать. Не могли бы вы оказать мне любезность и отправить по телефону вот эту телеграмму? И налейте мне бокал хереса.

Она достала из кармана листок бумаги и несколько серебряных монет.

Можете не сомневаться: мы вытаращились на девушку, словно увидели перед собой теленка о двух головах. А она не обращала на нас никакого внимания – это молодое создание, в котором чувствовалась тем не менее изрядная целеустремленность. Просто стояла и прихлебывала херес, пока жена Робертса ушла в дом и по телефону передала текст с листка на центральную станцию в Дануне. Потом девушка повернулась и оглядела нас быстро, но пристально, будто мы были достопримечательностью, помеченной в путеводителе Кука как достойная беглого осмотра. Затем, когда миссис Робертс вернулась, она забрала сдачу, поблагодарила хозяйку за помощь и в одно мгновение покинула «Герб». Спустя полминуты снаружи донесся рев мотора ее машины, умчавшейся так стремительно, точно к ночи девушка собиралась добраться до самого Инвернесса.

На какое-то время в пабе воцарилось молчание. Мы все думали об одном и том же. Как странно: стоило нам завести речь об Америке и Ньюфаундленде, и к нам тут же заявлялась американка – а в ее происхождении не усомнился бы ни один из тех, кто часто смотрел фильмы в кинотеатре Дануна. Миссис Робертс принялась протирать посуду за стойкой, но в глазах ее виделся блеск, который явно породило непривычное ей ощущение продажи спиртного как одного из смертных грехов. Теперь у нее появились интересные для всех новости, и она наслаждалась моментом, понимая это.

Первым к ней осторожно подступился Роб:

– Стало быть, эта юная леди отправила телеграмму?

– Да, именно телеграмму, – ответила миссис Робертс, выдохнув остаток воздуха из легких на поверхность бокала, который собиралась протереть следующим.

– Вероятно, чтобы забронировать себе номер в отеле где-то дальше по дороге?

– Может, да, а может, нет. Это никого не касается, кроме нее самой, – загадочно ответила миссис Робертс. Она еще не простила Робу шутки с безалкогольным напитком Карффрае. И хотя было ясно, что ее уже саму распирает изнутри желание поделиться информацией, она еще минуты две-три занималась пивными кружками, словно борясь с дьявольским искушением раскрыть чужой секрет. Потом не выдержала:

– Вы не поверите! Это просто потрясающе!

На этот раз к ней обратился Карффрае, который, как все понимали, пользовался гораздо большей благосклонностью с ее стороны:

- В телеграмме она написала что-то странное, а, хозяйка?
- Это как посмотреть. Если хотите знать, адресована она была кому-то в Лондоне, а текст такой: «Надеюсь скоро сообщить важные новости».
- Уилл Сондерс поднялся и подошел ко мне, уже стоявшему у выхода.
- Не вижу здесь особых оснований, – сказал он, – чтобы начать, пользуясь выражением Карфрае, «разговоры злонамеренного направления».
- Может, вы и правы, а может, и нет. Но только скажу вам еще одно. Мистер Белл, мне кажется, вас должна особенно заинтересовать подпись под телеграммой. – Она поставила на полку последнюю вымытую кружку и снова стала возиться с чайником.
- Подпись? – изумленно переспросил я.
- Вот именно, мистер Белл. Эта американская девица подписалась фамилией Гатри.

8

А теперь, приведя ниже то, что наш автор в Эдинбурге назовет «Показаниями мисс Стракан», я перейду затем к теме Кристин, которая, как вы уже, видимо, догадались, станет главным женским персонажем этой книги. Но сначала напомним, что мисс Стракан возглавляет нашу школу, и это ей принадлежит научный труд о «визуальном учебном пособии». Вероятно, лучше темы для диссертации ей было не найти, потому что она наделена страстью все подмечать, подглядывать, интересоваться делами других людей и, в придачу к зорким глазам, природа наградила ее длинным и любопытным носом. И не может быть сомнений, что именно любопытство заставило ее поехать к своей тете в Килдун более длинной дорогой.

Каждую неделю мисс Стракан садится на велосипед, чтобы навестить тетку – престарелую женщину, скопившую немалые деньги, которые натуральным образом интересуют племянницу. Причем почти всегда она едет по главной дороге на Данун и сворачивает с нее перед самым Томпсон-Мейнз, а оттуда через пустошь ей остается мили две или три до Килдуна – деревеньки всего в несколько домов. Но порой, особенно летом, она, по ее собственным словам, испытывает тягу к приключениям, и тогда направляет велосипед вдоль долины Эркани, вихляет и скачет по неровным склонам холма, чтобы потом пастушьей тропой перебраться в долину Мерви. И хотя этот путь гораздо труднее, требует больше сил, наша главная учительница всем говорит, что обожает слушать по радио программу «Идеальный спортсмен», и сама выглядит крепкой и энергичной женщиной. Однако едва ли одна лишь «тяга к приключениям» послужила для нее мотивом, когда она отправилась трудным маршрутом через долину Эркани в первую оттепель после обильного снегопада поздней осенью, поскольку именно в это время сплетни о происходящем в замке, получили особое распространение. Злые языки даже утверждали, что она втайне надеялась на внимание со стороны Таммаса. Поскольку ни один нормальный мужчина с мисс Стракан сходитья не пожелал бы, для нее мог сойти и наш местный дурачок. Впрочем, черт их разберет – мотивы, которыми руководствуются женщины. Для нас достаточно знать, что в последние выходные ноября она решила поехать именно долиной Эркани.

Вода в Дрохете отливала зеленью, пополняясь ручьями с вершины Бен-Кайли. Хвойный лес стоял по сторонам безмятежно, и лишь иногда порыв ветра срывал с деревьев капли от стаявшего снега и поливал ими тропинку, по которой неумоимо крутила педалями наша мисс Стракан; задние колеса порой проскальзывали по грязноватой и сырой земле. И только когда она уже добралась до конца долины, то есть почти к подножию Бен-Кайли, ей бросились в глаза приметы приближавшейся с востока бури, того самого урагана, который последовал вскоре после оттепели. Мрачным, суровым и таинственным вдруг сделалось озеро в обрамлении внезапно почерневшего леса. И уже с большого расстояния в его восточной оконечности стали видны пенящиеся буруны, а потом вся поверхность покрылась рябью.

Усилившийся ветер начал раскачивать такие спокойные совсем недавно деревья, а вокруг вершины горы собрались торжествующей плотной массой грозные тучи.

Если бы мисс Стракан действительно собиралась пересечь перевал и попасть в соседнюю долину, чтобы к вечеру добраться до Килдуна в разгар самого настоящего урагана, она бы испугалась до смерти. Но поскольку замок Эркани находился совсем рядом, ненастье оказалось для нее как нельзя более кстати. На многие мили кругом замок был единственным жильем, если не считать опустевшей теперь домашней фермы, прятанной далеко внизу между лиственницами. И с первым мощным раскатом грома, способным, казалось, сбить с ног любого, она миновала свой обычный поворот и направила велосипед в сторону фермы.

Но еще не проделав и половины пути, мисс Стракан даже в сгустившемся мраке разглядела заколоченные ставни дома и совершенно пустынный скотный двор. Уже сейчас ферма выглядела совершенно заброшенной и лишенной признаков жизни. И вдруг из-за края холма, очень бледная, как напуганное привидение, показалась и быстро побежала прямо к ней стройная девичья фигура. В следующее мгновение школьная начальница разглядела, что это Кристин. Да и кто еще это мог быть в столь уединенном и изолированном от мира месте? Должно быть, подумала она, Кристин увидела ее снизу и бросилась навстречу, чтобы дружески приветствовать и предоставить укрытие от бури. Она махнула рукой, издала восклицание, которое мгновенно унес куда-то с ее губ порыв ветра, и стала спускаться вниз по тропе настолько быстро, насколько позволял велосипед. И вдруг с изумлением осознала, что Кристин не заметила ее и продолжила подъем по холму, теперь наискось удаляясь в сторону, широко шагая своими длинными и сильными ногами, и от холода ее защищал лишь тонкий шерстяной свитер, уже промокший насквозь и прилипший к телу. По-настоящему встревоженная за нее мисс Стракан признавалась, что не меньше беспокоилась и за себя. Ураган все усиливался, и тем насущнее становилась необходимость укрыться в замке Эркани, а с отъездом Гэмли только Кристин Мэтерс могла не захлопнуть перед ней дверь. Поэтому она оставила велосипед рядом с тропинкой и тоже бросилась вверх, чтобы перехватить девушку во время подъема. И в какой-то момент, вновь оказавшись на виду у нее, крикнула:

– Мисс Мэтерс! Мисс Мэтерс! Ужасная погода для прогулок, не правда ли?

На этот раз директрисе школы трудно было поверить, что девушка не видела и не слышала ее. Но она тем не менее продолжала идти дальше. Пораженная, мисс Стракан остановилась, не зная, что делать. Обидеться или еще больше перепугаться. Кристин либо страдала лунатизмом, либо попросту сошла с ума от ужаса жизни в замке и причуд его хозяина. И тут ее сердце оборвалось, потому что при мысли о Гатри она вдруг ясно увидела – и это было озарением, пронзившим ее подобно молнии, – черты лорда в Кристин. Многие сплетни о них порождались тем фактом, что в девушке не находили ни малейшего семейного сходства с Гатри. Но сейчас Кристин стремительно уходила от нее и так энергично, словно способна была в этот момент легко одолеть вершину Бен-Кайли, не глядя ни влево, ни вправо, а устремив взор в пространство перед собой, с мертвенно-бледными щеками, на которых выступали лишь небольшие пятна румянца, а губы шевелились в молитве или декламации. Точно так же, словно одержимый, прошел бы мимо сам Гатри. И к нему можно было обратиться, но только черта с два он бы ответил и вообще заметил ваше присутствие.

Такого рода открытие, как то, что сделала мисс Стракан, возразит мне здравомыслящий читатель, не принял бы во внимание ни один серьезный суд. Его списали бы на болезненную фантазию женщины, оказавшейся в весьма затруднительных обстоятельствах, чья голова, к тому же, заведомо полна предубеждениями и скандальными слухами о семействе Гатри. Но в одном мы с вами можем не сомневаться – она сама была настолько поражена увиденным, что больше даже не пыталась остановить Кристин, а лишь стояла и наблюдала за ней, пока та окончательно не скрылась из вида среди деревьев и за пеленой дождя. И какой же растерянной должна была почувствовать себя мисс Стракан, если ветер все усиливался, сгустились

ночные сумерки, а тропа становилась до такой степени скользкой, что пробираться по ней было под силу уже не просто идеальному спортсмену, а скорее олимпийскому чемпиону! Ферма, где когда-то ее с удовольствием угостила бы чашкой чая миссис Гэмли, стояла теперь заброшенная, а с уходом Кристин, находившейся явно в полубезумном состоянии, в большом доме оставались только Гатри, Таммас и этот подозрительный тип Хардкасл со своей старой и во всем ему покорной женой. Мрачная таинственность древнего замка манила к себе из безопасного кабинета в школьном здании Кинкейга, однако сейчас мисс Стракан не слишком привлекала перспектива туда направиться. Можно представить, как она проклинала себя за решение совершить поездку объездным путем! Но только теперь толку от этого было чуть. Как высказался бы по этому поводу начальник станции, перед ней открывались три варианта дальнейших действий: она могла остаться на месте или продолжить путь, чтобы наверняка сломать себе шею, к чему явно стремилась Кристин, или же преодолеть робость, добраться до замка и попытаться воспользоваться сомнительным гостеприимством Рэналда Гатри. Бедняжка понимала, насколько ужасным был замок, если маленькая Айза Мердок в страхе бежала оттуда, и потому она почти уже отважилась, несмотря на все трудности, перебраться через перевал в долину Мерви. Но в итоге здравый смысл возобладал, и мисс Стракан вернулась к велосипеду, чтобы направиться к большому дому, презрев пересуды городских кумушек о том, как страшен Гатри со своим «черным глазом», со шпагой и мрачной галереей.

Но затем она вновь обратила внимание на домашнюю ферму и заметила, каким просторным был чердак дома. Джорди и Элис часто там спали, что маленьким шалунам очень нравилось, забираясь наверх по приставной лестнице, ведущей туда со стороны скотного двора. Не исключено, подумала она, что Гэмли оставили там набитые соломой тюфяки для ночлега, и если бы ей удалось проникнуть на чердак, ничто не помешало бы дожждаться рассвета. Тем более, как опытная путешественница по Шотландии, она всегда имела при себе про запас пару пачек шоколадного печенья. Мисс Стракан поставила велосипед в амбар и взобралась на длинный и скользкий сейчас камень, на который опиралась лестница. Подергав дверь чердака, она обнаружила, что ее, конечно же, никто не потрудился запереть. Тюфяки тоже оказались на месте и выглядели необыкновенно удобными и сухими после штормового ветра с дождем, бушевавшего снаружи. «Мне уж точно будет уютнее здесь одной, чем в компании с сомнительными обитателями Эркани», – подумала мисс Стракан.

Промокла она до нитки, хотя надела в дорогу самый свой плотный плащ, и, отойдя в дальний конец скудно освещенного чердака, начала раздеваться. Она уже почти обнажилась, как рассказывала потом сама (а мы обратим внимание, что ни в одной сплетне, циркулирующей по Кинкейгу, не обходится без наготы), когда на чердаке вдруг сделалось совсем темно. «Должно быть, ветром захлопнуло дверь», – подумала мисс Стракан, но, повернувшись, увидела в проеме ужаснувший ее мужской силуэт на фоне все еще более светлого неба. И сразу же узнала худощавую фигуру – Гатри собственной персоной.

Как видите, школьная директриса попала в ситуацию, лишь немногим отличавшуюся от случая с маленькой Айзой Мердок. Не знаю, быть может, писателю в Эдинбурге покажется, что нам грозит опасность впасть в некоторую монотонность сюжета. Но вот кому положение точно не показалось монотонным, так это мисс Стракан, издавшей вскрик, который мог бы, наверное, напугать даже самого Гатри, не хлопни он в этот самый момент дверь и не задвинь снаружи со скрежетом ржавый засов. Он не разглядел полуобнаженную Вирсавию в дальнем углу чердака и едва ли реагировал бы на нее, как царь Давид, если бы разглядел. Но его заботило только одно: чтобы ураган не нанес внутрь воды, и уже минуту спустя мисс Стракан слышала, как он спускается вниз по лестнице.

Оправившись от испуга, она поняла, что все не так уж и плохо для нее при условии, если Гатри уйдет. Она не стала безнадежной пленницей чердака, поскольку люк в полу

вел внутрь дома. Проблема заключалась лишь в том, что к люку не приставляли лестницы, поскольку все пользовались внешней. Но у нее была одежда и ткань тюфяков, из которых она легко связала бы импровизированную веревку для спуска, как учили во время туристических походов в колледже. А оказавшись внизу, она при необходимости выберется наружу через любое из окон. Пока же она снова занялась промокшей одеждой. Лорд все еще находился поблизости, и ей попросту ничего другого не оставалось.

А Гатри явно не собирался уходить. Сквозь доски она слышала, как он расхаживает по одноэтажному дому. «Точно так же, – подумала мисс Стракан, – расхаживал он, вероятно, в ту ночь по галерее». Ей было любопытно, что привело сюда лорда из замка в такую погоду, и объяснение приходило в голову только одно: он как будто дожидался кого-то. И стоило ей об этом подумать, как догадка получила подтверждение, потому что Гатри вдруг громко сказал:

– Заходи в дом!

После чего воцарилось молчание, словно эти слова улетели в пустоту и не были обращены ни к кому. Но затем опять раздался голос лорда, и мисс Стракан отчетливо услышала в нем оттенок издевки:

– Заходи же, будь мужчиной!

Вновь последовала пауза, а потом входная дверь распахнулась с бешеным грохотом, словно именно такой была реакция вошедшего на язвительную интонацию Гатри. После еще одной паузы первым опять заговорил лорд, но теперь так тихо и даже как будто робко, что его слова с трудом можно было расслышать сквозь узкие щели между досками пола.

– Так это ты?

Начальница школы задрожала при этом всем своим промокшим телом, и не столько потому, что продрогла с головы до пят, сколько от того, как прозвучал этот вопрос. Но не сомневайтесь, ее длинный нос уже горел от любопытства, а глаза спешно искали в полу отверстие пошире, чтобы было, куда его сунуть. И тут же до нее донесся голос неизвестного гостя Гатри – молодой, звонкий, дерзкий и ей не знакомый.

– Где Кристин?

– Сегодня у тебя свидание не с Кристин, Нейл Линдсей. Их вообще больше не будет, потому что теперь я узнал ваш маленький секрет.

Стало быть, вот кто пришел сюда в такой час! Нейла Линдсея мисс Стракан знала только по имени. Наполовину англичанин, он приехал сюда из Эдинбурга, как и она сама, но уже знакомая с местными обычаями директриса школы понимала, какая начнется свара, если Линдсей принялся ухаживать за Кристин Мэтерс. Казалось, первые молнии этой бури уже засверкали у нее под ногами в кухне домашней фермы.

– Где она, Гатри?

Линдсей обращался к лорду открыто и смело, как к равному себе. Он хоть и считался простым фермером, но знал о своем благородном происхождении, о чем речь у нас пойдет ниже. А потом мисс Стракан услышала ответ Гатри, сухой и хладнокровный:

– Я проследил за Кристин и нашел твою к ней записку. А потом отправил ее домой и стал дожидаться тебя здесь. Ты считаешь, что я совершил ошибку? Тебе есть на что пожаловаться?

– Она сама себе хозяйка.

– Нет, если ты хочешь сделать ее своей.

Мисс Стракан становилось все интереснее. Она напрягла слух, и ей показалось, что Линдсей в гневе шагнул в сторону Гатри и готов схватиться с ним, но одумался и заговорил уже ровным голосом и очень серьезно:

– Я хочу взять ее в жены, Гатри.

– Этого не будет, – сказал лорд.

– А она хочет стать моей женой.

- Говорю же, этого не будет никогда.
- Но мы поженимся, Гатри, и ты не сможешь нам помешать.
- Как раз это в моей власти, Нейл Линдсей.
- Что дает тебе власть над ней?
- Кристин несовершеннолетняя, и тебе это известно.
- Это поправимо. Но у меня есть более важный вопрос.
- В самом деле? Какой же?
- Кем тебе приходится Кристин?

Они не тратили слов понапрасну, эти двое, выясняя отношения. А школьная начальница пребывала в полнейшем экстазе. Затаившись на чердаке, никем не замеченная, она подслушивала такое, что заставит померкнуть историю Айзы Мердок и будет обсуждаться за каждой чашкой чая по всему Кинкейгу. Она с наслаждением положила в рот кусочек печенья и жалела лишь о том, что не могла рисковать и закурить сигарету – мисс Стракан пристрастилась к дурной привычке, как многие современные женщины. Впрочем, она сразу же снова приложила ухо к щели в полу, чтобы услышать ответ Гатри на столь волновавший ее вопрос.

Но тут в дело вмешался фактор, которого она никак не могла предвидеть – природные условия долины Эркани в начале зимы. Ураган, до той поры лишь накапливавший силы, обрушился в этот момент на маленький фермерский дом со всей своей неукротимой яростью. Ветер завыл так громко, как чаще завывает в книгах, чем на самом деле, а мелкий дождь превратился в ливень, крупные капли которого застучали по черепице крыши пулеметными очередями. Гатри и Линдсей могли сейчас дуэтом распевать «Аллилуйя!» – такое у нее складывалось впечатление сквозь неумолчный шум стихии – или даже убивать друг друга. Она искренне переживала за каждого из них. Вот насколько милосердным человеком была мисс Стракан!

И, представьте, ее опасения оказались не лишены оснований. Потому что через две-три минуты ураган несколько умерил силу, и она расслышала голос Линдсея, хриплый от гнева:

– А ну повтори, что ты сказал!

– Я сказал: поженитесь вы или нет, но если еще не поздно, тебе никогда не иметь от нее детей! – ответил на это Гатри.

И тут же раздался отчетливый удар по лицу. А потом приглушенный и пристыженный возглас Линдсея:

– О, боже, прости меня! Ты же мне в деды годишься! Мне очень жаль. Несмотря на всю кровавую вражду между нашими семьями...

– Ты за это заплатишься, – угрожающе сказал Гатри.

И эти слова, прозвучавшие подобием реплики из старинной драмы, стали последними, подслушанными мисс Стракан. Потому что в то же мгновение раздался первый мощный раскат грома после некоторого затишья, который она, взвинченная и испуганная, приняла за пистолетный выстрел, подняв на чердаке крик в полной уверенности, что совершено убийство.

Для мужчин внизу это стало неприятной неожиданностью. Линдсей сразу же ушел, а Гатри, как всегда сохраняя хладнокровие, решил разобраться с причиной такого сюрприза. Он вышел и быстро взобрался по лестнице, и потому школьница не успела даже укорить себя за то, какую дурочку свалила, или по-настоящему испугаться, как он уже стоял в дверях чердака, с удивлением разглядывая женщину.

– Мэм, – спросил он, – означает ли ваш крик, что у вас возникли проблемы?

Мисс Стракан несколько не успокоилась, обнаружив перед собой Гатри, усвоившего чисто английские манеры, которые проявлялись в мрачной иронии и холодной вежливости.

Ей даже комфортнее было бы иметь дело с тем Гатри, что только что противостоял внизу Линдсею, главе шотландского рода, представителю местной аристократии, забывшей обо всех тонкостях политеса еще несколько веков назад. Как мы можем предположить, она подпустила плаксивости в голос, когда ответила:

– О, мистер Гатри, сэр, я – директор школы в Кинкейге и просто проезжала мимо, когда началась буря, а потому...

– Я весьма рад, – сказал Гатри, и поскольку лорд все еще стоял в дверном проеме, она заметила, что он сопровождал свои слова легким поклоном. – Повторяю, я весьма рад, что ферма дала вам укрытие от непогоды. Но ведь вы кричали, или я ослышался? Вас что-то напугало? Быть может, вы ожидали встретить больше гостеприимства с нашей стороны?

Хотя он представлялся ей сейчас не более чем темным силуэтом, она чувствовала на себе его тяжелый взгляд, а преувеличенно вежливый тон только внушил ей тревогу.

– Это была всего лишь крыса, мистер Гатри, – поспешила заверить его мисс Стракан. – Меня испугала неизвестно откуда взявшаяся здесь крыса.

– Ну конечно, – кивнул Гатри. – Крысы всегда были для нас проблемой. Например, я сам только что столкнулся с одной из них внизу.

От подобных речей мисс Стракан ощутила, что у нее буквально кровь стынет в жилах; она ощутила такое глубокое отчаяние, что, если бы посмела, то уселась бы на тюфяк и рыдалась. И видимо, помимо воли всхлипнула, потому что лорд сразу же сказал:

– Вы очень утомлены. Позвольте сопроводить вас в более надежное и комфортное место, которое послужит для вас убежищем.

При слове «убежище» у нее почему-то на мгновение возникла ассоциация с сумасшедшим домом, словно хозяин собирался передать ее прямо в руки полоумному Таммасу, и ей захотелось проскочить мимо него, вырваться на свободу и бежать без оглядки, невзирая на разыгравшийся ураган и уже наступившую ночь. Но лорд со своей несколько навязчивой старомодной галантностью уже приблизился к ней и, как сэр Чарльз Грандисон из бессмертного романа Ричардсона, под руку вывел с чердака к лестнице, словно из бального зала. Снаружи, несмотря на темноту, она заметила смертельную бледность его лица, на котором виднелся отчетливый след от удара. И Гатри направился вокруг оконечности озера к своему большому дому, ведя велосипед одной рукой, а другой придерживая незваную гостью с такой почтительностью, словно она была по меньшей мере герцогиней Бакклея, а у той в ушах продолжала звенеть фраза «Ты за это заплатишься». Но стоило им войти в дом, как он, казалось, сразу пресытился занимавшей его до этого игрой и всего лишь дал указание Хардкаслу и его жене:

– Пристройте эту молодую дамочку у нас на ночь.

Засим он холодно раскланялся с ней и отправился к себе, а директрису этот внезапный переход от «мэм» к «молодой дамочке» напугал чуть ли не больше всех остальных событий вечера. Впрочем, определение «молодой» вполне могло быть воспринято ею как комплимент, если забыть, что лорд толком не разглядел ее лица в постоянном полумраке.

Утром мисс Стракан видела Гатри лишь мельком. Поднялась она с рассветом, после дурного сна, которому теперь действительно мешали крысы, а ужин ей предложили такой скудный, что еще толком не проснувшись, она доела остатки своего шоколадного печенья, которое за ночь не успели уничтожить мерзкие грызуны. Поскольку буря улеглась, ей не терпелось покинуть замок как можно скорее, причем в ее планы входило теперь всего лишь возвращение в Кинкейг пешком, ведя велосипед рядом, – о том, чтобы ехать на нем по окончательно раскисшей тропе, не могло быть и речи. Она получила на завтрак ломоть хлеба с патокой от ведьмы, которую ей живо напомнила жена Хардкасла, пробормотала слова прощания и двинулась той же тропой, что пришла сюда накануне. А надо вам сказать, что тропа эта круто проходит над излучиной озера, из которого в прежние времена брали воду для

окружавшего замок рва. И вдруг прямо перед собой мисс Стракан заметила Гатри, который при восходящем солнце смотрел на озеро Кайли, словно пытался прочесть на его поверхности некое сообщение, сброшенное для него с огненной солнечной колесницы. Затем на глазах директрисы, к которой Гатри стоял спиной, он вскинул руки вверх, будто хотел на фоне светила разглядеть циркулировавшую по венам кровь. Это выглядело настолько необычно, что мисс Стракан вспомнились пересуды о том, как он молился своим идолам в духе языческих обычаев, и спешно повернула назад, чтобы сделать круг по лесу в обход тропы. И можете не сомневаться, она ни разу не остановилась, пока не удалилась от замка Эркани на несколько миль, как поступила прежде Айза Мердок. Но зато при ней были богатые трофеи: еще никому не удавалось доставлять из долины сразу столько топлива для новых сплетен.

Да и после этого никто в Кинкейге, кроме меня самого, не слышал ничего о Рэнalde Гатри до самой трагедии. Мисс Стракан провела в замке ночь на двадцать восьмое ноября. А десятого декабря, как раз накануне большого снегопада, совершенно закрывшего доступ в ту долину, ко мне пришла Кристин Мэтерс, чтобы поведать свою историю.

9

Кристин редко появлялась в Кинкейге. Впрочем, чем мог привлечь ее городишко? Не пивом в «Гербе» – это уж как бог свят. Не кухонными пересудами и не редкими молодежными игрищами по субботам. А к доктору Джерви ее не пускал Гатри, который и сам не жаловал нашу церковь. Вскоре после приезда к нам и детального ознакомления с делами прихода доктор Джерви пешком дошел до замка Эркани и побеседовал с лордом. Причем прозрачно намекнул в разговоре, что не стоило бы воспитывать столь восприимчивую юную особу, как Кристин, в полном одиночестве, и затронул еще несколько щекотливых тем. Вероятно, только почувствовав в докторе Джерви ученого собрата, Гатри удержался от того, чтобы не спустить на него свору собак, как поступил с нашим прежним настоятелем церкви, который, впрочем, действительно представлял собой пустое место, читавшее вслух с церковной кафедры без подлинного понимания религиозной доктрины, это правда. Но и доктора Джерви лорд выслушал до конца с холодной учтивостью и столь же прохладно с ним раскланялся на прощание. И с тех пор, встретившись со священником в городе, ни разу не остановился, чтобы хоть словом перемолвиться. К церковной службе не являлся ни он сам, ни Кристин, ни Хардкаслы. А что до дурачка Таммаса, то вряд ли он вообще знал хоть что-то о Боге и Священном Писании.

Как я уже отметил, Кристин редко приходила в Кинкейг, а если все же бывала в городе, то непременно навещала обувных дел мастера Эвана Белла. Мы с ней водили дружбу уже давно, потому что первой нянюшкой, нанятой Гатри для Кристин, оказалась дочь моей родной сестры. В ту пору в замке еще держали коляску с запряженным в нее пони, и лорд, нрав которого был заметно мягче в годы детства Кристин, разрешал им вволю кататься повсюду, и они частенько заезжали в гости к дяде Эвану, как меня называла не только племянница, но и Кристин. Бездетный холостяк, я от всего сердца полюбил маленькую мисс Мэтерс. Когда она подросла, Гатри привез в дом гувернантку миссис Мензис, не слишком умную, но добрую леди с отменными манерами, и продолжил воспитывать Кристин в полном одиночестве, а она навещала меня, чтобы поделиться своими проблемами в Эркани, но чаще задавала вопросы об окружавшем нас мире. Только став уже подростком, начала осознавать она всю необычность своего положения, поняла роль Миранды, которую играла при погруженном в свои мрачные мысли Просперо¹⁵, и тогда замкнулась в себе, а в глубине ее сердечка поселилась печаль. Она по-прежнему приходила ко мне, но говорила теперь мало. Увидев

¹⁵ Персонажи драмы У. Шекспира «Буря».

на моем верстаке свернутые лоскуты обувной кожи, она подносила их к лицу и вдыхала запах, словно этот сырой природный материал мог придать ей сил. А потом ее посещения стали более редкими. Иногда она смотрела на меня так, словно готова была поделиться чем-то сокровенным, но в результате все сводилось к обычной болтовне о событиях дня. Порой Кристин долго сидела в глубокой задумчивости с куском кожи в руках, и на моих глазах в ней естественно и неумолимо просыпалась женственность, как распускается цветок вереска на склоне холма. А потому я знал обо всем происходившем задолго до того, как школьная директриса впервые назвала на весь Кинкейг имя ее не слишком удачливого возлюбленного.

Но вам следует сначала узнать немного больше о семьях Гатри и Линдсеев – действительно немного, а потому могу обещать, что не сильно отвлеку вас от темы Кристин, ибо не собираюсь писать здесь историю шотландского феодализма. И все же, мой читатель, нам придется совершить краткое путешествие в эпоху, предшествовавшую Реформации.

Возможно, вы знаете, что в то время как в горной местности люди всегда объединялись в кланы, которые имели вождей и постепенно разрастались, когда сыновья вождей, женившись, создавали для кланов новые ветви, то в низинах ничего подобного не существовало, и аристократы образовывали обычные семьи или роды. И как бы велика и многочисленна ни была семья, она редко обладала сплоченностью клана, и связующим звеном между членами одной семьи, инициатором союзов с другими семьями в низинных местностях всегда считались крупные землевладельцы. И лишь тот край мог жить в мире и покое, где местный лорд пользовался поддержкой не только своего рода, но и соседей.

И в те времена, пока Гатри из Эркани еще считались молодым родом, Линдсеи из долины Мерви были уже могучим семейством, баронами, доверенными лицами королей, а их земли простирались до владений Иннесов и воинственных Флемингов, занимая все пространство между Мореем и Спреем. И вот в годы малолетства короля Якова III, когда Шотландия превратилась в страну, где воцарились беззаконие и безбожие, Гатри вступили в военный союз с Линдсеями. Предок нынешнего владельца замка Эркани, тоже Рэналд Гатри, принес клятву Эндрю Линдсею «быть ему другом и союзником, поддерживать и в мире, и в ссоре с врагами, оказывая помощь людьми и припасами, сохраняя в порядке военные укрепления для совместной обороны, как велит совесть и здравый смысл, и отвергать любые другие союзы, за исключением одних лишь священных обязательств перед нашим общим господином – королем Шотландии». Благодаря, вероятно, щедрым подаркам Линдсеев и их власти, клятва многие десятилетия нерушимо соблюдалась, возобновляясь каждые пять лет по истечении срока действия текущего договора. Вот только словеса, содержащиеся в ней по поводу «священных обязательств» перед королем, так пустыми словесами и оставались, потому что на деле союз двух семей нередко замыслил и выступления против короны.

Да и направлен он был изначально далеко не на поддержку королей, поскольку род Линдсеев, в свою очередь, давал клятву верности графу Хантли. И уже при Эндрю Линдсее настал день, когда граф прислал ему письмо, в котором говорилось, что его кузен – лорд Гайт – вызван в Эдинбург для суда над ним, и ради спасения его жизни возникла необходимость, чтобы Линдсей со всеми союзниками собрались в Сент-Джонстоне, откуда совместно с графом выступили бы на Эдинбург. Линдсей оповестил Рэналда Гатри, и Линдсей и Гатри со своими воинами выдвинулись к Сент-Джонстону в районе Перта, присоединились там к войскам графа и сообща тронулись в сторону Эдинбурга, чтобы склонить правосудие короля в пользу лорда Гайта. Только Эндрю Линдсей под предлогом неотложного дела отлучился на сутки и погнал коня в замок Эркани, где возлег с женой Рэналда Гатри.

Ровно год и один день Рэналд Гатри не подавал вида, что ему все известно, втайне собрав за это время столько сил, чтобы напасть на Мерви, застать Эндрю Линдсея врасплох и захватить его. Увезя Эндрю в свои земли, Гатри приказал отрубить прелюбодею пальцы на руках, а потом отправил домой, привязав на шею песочные часы. Это было сделано, чтобы

напомнить: за прошедшие год и день срок договора истек, а значит, Гатри не нарушил его условий. Эндрю Линдсей умер от потери крови.

Так было положено начало жесточайшей междоусобице семей Линдсеев и Гатри. И если перечислить все те ужасы, что они творили друг против друга, то получилась бы леденящая душу сага. Однако из поколения в поколение мощь и власть Гатри возрастали, а для Линдсеев начался долгий период упадка и во «время убийств»¹⁶ им был нанесен окончательный удар. Линдсеи из Мерви не числились больше в списках нашей аристократии. Дошло до того, что простолюдины из Дануна начали запросто приходить и растаскивать на камни руины ворот и главной башни замка Мерви. А Гатри, которые никогда ничего не забывали и никому ничего не прощали, только посмеивались, беспрепятственно выезжая охотиться в долину Мерви.

Но все же на этих землях осталось еще достаточно Линдсеев, превратившихся в простых фермеров, которые с полным правом могли называть себя наследниками некогда великого рода, задайся они такой целью. И старинная вражда не исчезла. Линдсеи считали Гатри самым грязным и подлым племенем среди шотландского дворянства, а Гатри травили Линдсеев при каждом удобном случае. Угли ненависти подспудно тлели, иногда разгораясь, и тогда наиболее горячие головы снова отваживались на зловещие дела. И не было большего позора для одного из Линдсеев, чем пойти в услужение к потомкам Гатри в Эркани. Вот почему молодой Нейл Линдсей испытывал глубокую неприязнь к Рэналду Гатри до того, как познакомился с Кристин: его жег мучительный стыд, что его отец работал однажды на сестру лорда по имени Элисон. О ней вам следует знать подробнее, поскольку эта женщина своей репутацией черным пятном легла на историю семьи Гатри: в народе не сомневались, что Таммас – ее незаконнорожденное дитя невесты от кого.

В семействе Гатри одного с Рэналдом поколения было четыре члена. Старший – Джон, на глазах которого двое его писанных красавцев сыновей утонули в пучине озера Кайли, прожил остаток дней бездетным, предаваясь беспредельной печали, пока наследство не перешло к Рэналду. От средних сыновей – второго по старшинству Йена и третьего Рэналда – пошла традиция для Гатри избегать церкви. Оба отправились жить среди австралийских дикарей. В Кинкейге их зачислили в безбожники и смутьяны, а потому мало кто удивился или пуще того – огорчился, когда прошел слух, что Йен встретил жуткую смерть, сваренный в котле варваров-людоедов. Дочь Элисон была ровно на двадцать лет моложе Рэналда, поздний ребенок для их отца и уже тоже престарелой матери. Она походила на всех Гатри. Темная личность со сдвигом в мозгах. Предметом ее одержимости стали пернатые. И она непостижимым образом притягивала к себе птиц: они вились над ее головой целыми днями, а ночью навещали во снах. Она объехала всю Шотландию, собирая сведения о них и наблюдая места расселения, написала о птицах целую книгу, а потом окончательно поселилась в горной хижине, грубой постройке из камня, и внутри, и снаружи побелевшей от птичьего помета. Как передавали в народе, по ее словам, она изучила язык пернатых. Одни помнили ее рассказы, что птицы говорят между собой только о райских куцах, другим запало в душу другое – дескать, их щебет всегда об адском пламени и преисподней. И вот некий Уот Линдсей, как раз папаша Нейла, оставшийся без дела, потому что с фермерским хозяйством справлялись его братья, и, кроме того, сам не чуждый любви к птичкам и умевший обходиться с ними, настолько забыл о старинной вражде, что согласился выполнить ее поручение. Он переплыл для нее Лох-эн-Эйлен и сфотографировал единственное гнездо орлика-рыбака, найденное на шотландских землях за многие годы. Элисон умерла в своей горной хибаре, не дожив до старости, а Нейл Линдсей затаил недобрые чувства к лорду: а все из-за того, что его покойный отец однажды услужил женщине из семейства Гатри.

¹⁶ Кровавая эпоха шотландской истории второй половины XVII в.

Я мало что знал о Нейле Линдсее, пока ко мне не пришла Кристин, поскольку жил он в самой отдаленной ложине долины Мерви, где, по его мнению, когда-то стоял замок с башней, принадлежавший его знатным предкам. По слухам, ему пришлось преодолеть сопротивление отца, матери и братьев, чтобы учиться; причем учиться по книгам на английском языке, который дерьма не стоил для всех остальных Линдсеев, мелких фермеров, с трудом боровшихся за свое выживание, что с течением лет становилось для них все непосильнее. Лет сто или даже пятьдесят назад он мог бы найти себе домашнего учителя, который натаскал бы его, чтобы отправиться в Абердин и получить настоящее образование в тамошнем колледже. Но ныне то, что наш начальник станции величает «прогрессом образования», почти закрыло подобную возможность для простых парней вроде Нейла. Путь учения, словно терниями, усеяли на каждом шагу требованиями получения всевозможных аттестатов и свидетельств. А знания Нейла Линдсея были бессистемными, фрагментарными и порой ложными. Он прекрасно сознавал, что достоин лучшего и, обладая живым и пытливым умом, смог бы далеко пойти, если бы ему открылась дорога к образованию, которое получали отпрыски знатных семей. Но он был слишком горд и независим по натуре, чтобы, живя в нищете, карабкаться из класса в класс обычной средней школы. Люди такой породы обычно пополняют ряды бунтарей, и ходила молва, что Нейл связался с тайной группой, называвшей себя националистами, члены которой готовы были бороться, чтобы Шотландия снова стала свободной и суверенной страной. Вот только Уилл Сондерс считал, что эти самые националисты готовились отдать Шотландию на откуп обосновавшимся на Клайде ирландцам. Уилл поддерживал лишь идею справедливого распределения доходов от колоний, а в остальном полагал английское влияние на Шотландию положительным. Особенно в том, что касалось вероисповедания. На этом, однако, конец моему отступлению от главной линии повествования, и пора приступить к рассказу Кристин, как она впервые повстречалась с Нейлом.

На День святого Иоанна девушка в полном одиночестве отправилась на прогулку, перелазя через перевал и попала в самую отдаленную часть долины Мерви. Утро стояло прекрасное. Легкие пушистые облачка проплывали над ее головой. Слева за деревьями притаилось озеро, где гнездились бекасы, а дикие гуси прилетали со стороны моря. Самый длинный день ждал ее впереди, день, когда ночь едва ли вообще наступала, и она решила отправиться туда, где никогда не бывала: к вечно заснеженной вершине Бен-Кайли, возвышавшейся прямо перед ней. И она прошла еще дальше по долине мимо фермы Линдсеев, о которых ничего не слышала, лесом, где прошлогодние листья платанов вплетались в игольчатый ковер от лиственниц, пружинивший под ногами. Когда она миновала сосновый бор и взобралась по каменистой осыпи, перед ней открылся один из скалистых склонов Бен-Кайли. Слева виднелась серебристая полоса озера, а дальше из-за череды пологих холмов поднимался голубой торфяной дымок из труб Кинкейга. До нее доносился то плеск ручьев, образованных таянием снегов на Бен-Кайли, то мягкое и дрожащее блеяние овец с расположенного внизу пастбища, то звон колокольчиков. Постоянно кричали чибицы, голоса которых когда-то напоминали Кристин ее собственный плач. Трудным и одиноким получался у нее подъем все выше, через заросли вереска, по голым камням к тому месту, где с одной стороны приближалась отвесная стена горы, а с другой открывался обширный вид на поля кукурузы, зеленеющие позади Дануна и протянувшиеся до самого моря, невидимого даже отсюда.

Вот так Кристин взбиралась все выше по склону Бен-Кайли, не подозревая, что каждый шаг приближает ее к встрече с Судьбой. Зачем нелегкая потащила ее наверх, она сама не знала, и только после того, как с наступлением сумерек вернулась домой, задалась вопросом, что могло случиться, если бы она подвернула ногу, или произошел какой-то другой несчастный случай. Ведь никто не подозревал, что она отправилась на Бен-Кайли, и прошло

бы немало времени, прежде чем догадались бы поискать ее там, на большой высоте. Но страшно ей не было ни минуты. Прежде она уже совершала восхождения на гору, вот только на самой вершине не бывала ни разу. И Кристин не видела никакой опасности для человека, столь опытного, каким считала себя. Именно эта мысль пришла ей в голову, когда она пробиралась по узкому уступу, нависшему всего в семи или восьми футах над мягкой подстилкой из вереска. Именно об этом она думала, прежде чем увидела незнакомого мужчину.

Он стоял ниже и чуть в стороне от нее на краю обширного скалистого утеса – молодой человек в синей рубашке и старых серых брюках. Он мог оказаться простолудином или джентльменом – этого она не знала. Главное, что он был необычайно хорош собой, застыв в глубокой задумчивости. При этом он даже немного напоминал статую, высеченную из такого же гранита, как камень, на который был в тот момент устремлен его пристальный взгляд. Лишь секунду спустя мужчина поднял руку и с поразившей Кристин чувственностью погладил каменную поверхность, иссеченную и огрубевшую под воздействием ветров и дождей. Вероятно, так трогали камень только пикты¹⁷, для которых горы были единственно знакомой средой обитания.

За годы своего одинокого взросления Кристин встречала лишь нескольких мужчин, и если чуть выше я приравнял ее к Миранде, то Нейлу Линдсею в таком случае уместно будет отвести роль Фердинанда¹⁸. В течение бесконечно долгой минуты она смотрела на него во все глаза, а потом попробовала ускользнуть незамеченной. Но судьба порой играет с нами самым прихотливым образом, а потому нога опытной скалолазки, которой Кристин только что мысленно назвала себя, неожиданно зацепилась за препятствие, и девушка повалилась в вереск с высоты тех самых шести футов, причем упала чуть ли не на голову незнакомца.

В одно мгновение Нейл Линдсей оказался с ней рядом; вероятно, звук ее падения встревожил его, поскольку он метнулся к девушке со скоростью пантеры. У Кристин закружилась голова, скалы и вереск начали вращаться перед ее взором, причем вращение не остановилось, когда незнакомый молодой человек поднял ее на руки. Она закрыла глаза, а открыв их, встретила с его удивленным взглядом.

– Вы не пострадали, милая? – спросил он с таким волнением, словно она была ему родной сестрой. Она ответила, что с ней все в порядке, и тогда он бережно опустил ее, предосторожности ради чуть придерживая. – Хорошо, но только не делайте так больше, – мягко сказал он. – На Бен-Кайли опасно падать даже в столь чудесный день.

Кристин рассмеялась в ответ, но, оказалось, что незнакомец и не думал шутить. Он снова посмотрел на нее, и теперь во взгляде читалось нечто гораздо большее, чем удивление и тревога – так смотрят в глаза любимым.

Вот при каких обстоятельствах произошла их первая встреча. Нейл помог Кристин подняться к вершине горы, и девушка умыла лицо свежим снегом в самый разгар лета. Во время подъема, занявшего некоторое время, она набралась смелости спросить у своего спутника, что привело на склон Бен-Кайли его самого. В ответ он покачал головой и покраснел до корней волос. Оказалось, он принес с собой учебник геологии Грампианских гор¹⁹ и уже далеко продвинулся в его изучении, хотя ему приходилось держать свои занятия в тайне от всех. Кристин, которая вроде бы воспитывалась по всем правилам, прониклась сочувствием к нему, поскольку и для нее образование превратилось в своего рода преодоление препятствий. Она слушала его почти целый день, нисколько не удивляясь, что этот юноша-фермер с лицом скорее молчуна, чем краснбая, мог бесконечно рассказывать ей об узанном с таким пылом и страстью, словно хотел прикоснуться к ее уму так же нежно, как прежде

¹⁷ Группа племен, составлявших древнее население Шотландии.

¹⁸ Еще один персонаж «Бури» У. Шекспира.

¹⁹ Высочайшая горная система Великобритании.

касаясь бесчувственного гранита. Только когда они уже почти спустились к подножию горы, и перед ними открылся вид на долину Мерви, он вдруг оробел и, смущаясь, задал вопрос, который явно собирался задать много раньше. Он представился Нейлом Линдсеем, но кто такая она? Это оставалось ему пока не известным. Она назвалась, и только тогда он понял, что перед ним обитательница Эркани, живущая там вместе с Гатри. Узнав в ней дочь лорда, он окинул ее взглядом, смысл которого остался ей непонятен. Она, конечно же, знала о застарелой вражде между Линдсеями и Гатри, но никогда не считала ее чем-то, затрагивавшим ее поколение, и списала в архив зловещих событий далекого прошлого. Однако кровь сначала прилила к лицу молодого человека при звуке ее имени, а потом отхлынула, оставив на щеках мертвенную бледность, заметную даже под обычным фермерским загаром. Он сначала испугал ее, пробормотав под нос проклятье, но затем решительным движением привлек к себе и обнял.

С этого момента судьба Кристин была решена окончательно и бесповоротно. Пусть при их дальнейших встречах (всегда тайных) настроение у обоих менялось, пусть она сама временами отказывалась поверить в это, но в глубине души знала, что отныне и навеки принадлежит ему. И сам Нейл, не постоянный прежде в своих чувствах, обрел уверенность, непоколебимую, как та скала, в тени которой они впервые встретились: Кристин станет его женой, разделит с ним ложе, они вместе уедут в Канаду, где живет двоюродный брат Нейла, ученый с устоявшейся репутацией, способный дать родственнику работу по сердцу.

Так, после мучительных колебаний и усилий преодолеть девичью скрытность, Кристин поведала мне свою историю, то обрывая рассказ, то приступая к нему с самого начала. Отчасти ее нерешительность объяснялась невыносимой для девушки обстановкой, воцарившейся в Эркани; лорд вел себя так, что она невольно начинала нервничать и сомневаться, может ли довериться в этом мире хоть кому-то, кроме Нейла Линдсея. Гатри был решительно настроен против молодого человека после их встречи на домашней ферме, временами напоминая демона, хранившего молчание, но сжигаемого изнутри огнем гнева и яростной неприязни. Подобные же эмоции бушевали и Нейла. Он искренне ненавидел Гатри, подогревая ненависть воспоминаниями обо всех несправедливостях, которым подверглась в прежние времена его семья, о чем Кристин не желала даже слышать. В последовавшие месяцы затянувшегося ожидания и неопределенности в Нейле заговорил темперамент горца, унаследованный от матери. Кристин с тревогой наблюдала, как чувства берут в нем верх над разумом, и вскоре после злополучной встречи на домашней ферме поняла, что настала пора действовать. Уподобляясь младому Лохинвару²⁰, Нейл готов был проникнуть в замок, похитить Кристин, чтобы затем втайне обвенчаться. Он сумел отложить достаточную сумму, которой хватило бы на переправу через океан в Канаду, но будь я проклят, если бы после этого у него осталось хоть пенни за душой. Кристин не желала тайного бегства. Все ее инстинкты восставали против этого. Она ощущала, что Гатри обладает над ней властью, преодолеть которую она сможет, только открыто выступив против его воли. Но знала она и другое: стоило Нейлу обратиться к ней и приказать, как она, позабыв обо всем, последовала бы за ним. Потому что молодой человек полностью подчинил ее себе, и здесь она была бессильна. Когда я спросил – и, видимо, вопрос прозвучал для нее глупо, – «Ты действительно так стремишься стать его женой, Кристин?», она посмотрела на меня с откровенной насмешкой и ответила:

²⁰ Герой стихотворения В. Скотта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.